Счастливые шаги под дождем

Автор:
Джоджо Мойес

Счастливые шаги под дождем

Джоджо Мойес

Незабываемая и трогательная история женщин трех поколений, связанных нерасторжимыми узами.

Отношения между Джой и Кейт, матерью и дочерью, далеки от идеала, и Кейт, пытаясь устроить личную жизнь, бежит из дому. Поклявшись себе, что, если у нее когда-нибудь будет дочь, уж она, Кейт, станет ей лучшей подругой и они никогда не разлучатся. Но история повторяется. Сабина, дочь Кейт, выросла упрямой и дерзкой, она с презрением относится к своей матери из-за череды любовных неудач Кейт. И вот обстоятельства складываются так, что Сабина приезжает к своей бабушке Джой. Джой, никогда не видевшая внучку, поначалу безмерно рада ее приезду. Но между ними слишком мало общего. И вот уже возникает конфликт, который только усиливается, когда в доме появляется Кейт и на свет вылезают старые, казалось, давно похороненные семейные тайны.

Смогут ли героини залечить душевные раны? Смогут ли снова поверить в любовь?

Впервые на русском языке!

Джоджо Мойес

Счастливые шаги под дождем

Jojo Moyes

SHELTERING RAIN

Copyright © 2002 by Jojo Moyes

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency LLC

© И. Иванченко, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство Иностранка®

* * *

Чарльзу Артуру и Бетти Макки

Пролог

Затем архиепископу надлежит поцеловать правую руку королевы. После чего герцогу Эдинбургскому надлежит подняться по ступеням трона и, сняв свою корону, преклонить колена перед ее величеством, вложить свои сложенные руки в ее ладони и произнести слова присяги:

«Я, Филипп, герцог Эдинбургский, становлюсь твоим вассалом на всю жизнь и буду почитать тебя и служить тебе верой и правдой до самой смерти, защищая от всяческих напастей. Да поможет мне Бог».

Поднявшись, ему надлежит прикоснуться к короне на голове ее величества и поцеловать ее величество в левую щеку.

Подобным же образом надлежит по очереди принести присягу герцогу Глостерскому и герцогу Кентскому.

Из порядка церемонии коронационной службы, 1953 год

Довольно-таки обидно, думала впоследствии Джой, познакомиться с будущим мужем в день, ставший днем принцессы Елизаветы. Или королевы Елизаветы II, как торжественно она была наречена к концу того дня. При всей важности этого события для них обоих оно не вызывало – по крайней мере, у Джой – радостного волнения.

Тот день предвещал дождь, а вовсе не прекрасную встречу. Свинцовые небеса над заливом Гонконга набухли влагой. Медленно прогуливаясь со Стеллой по парку Пика Виктории, Джой сжимала папку с влажными нотными листами, ощущая скользкие от пота подмышки и прилипшую к спине блузку, что отнюдь не прибавляло ей монархического пыла при мысли о приеме в честь коронации в доме Брогэм-Скоттов.

Мать Джой беспокойно металась по дому, взволнованная присутствием отца, вернувшегося из очередной поездки в Китай. Всякий раз его появление, казалось, вызывало резкий спад настроения Элис, и Джой уже не надеялась избежать недовольства матери.

– Не смей это надевать! – нахмурившись и сложив ярко-красные губы в недовольную гримасу, сказала она дочери.

Джой не спускала глаз с двери, с нетерпением ожидая появления Стеллы. Тогда ей не пришлось бы идти на виллу Брогэм-Скоттов с родителями. Джой наврала им, что хозяева попросили заранее принести ноты. Даже пешие прогулки с родителями вызывали у нее морскую болезнь.

– У тебя такой невзрачный вид, милая. Опять ты надела высокие каблуки и будешь над всеми возвышаться.

Это знакомое словечко «милая» должно было подсластить неприятные замечания Элис.

– Я буду сидеть.

– Невозможно сидеть весь вечер.

– Тогда подогну колени.

– Тебе следовало бы надеть широкий пояс. Он тебя укоротит.

– Но врежется в ребра.

– Не понимаю, зачем так упрямиться. Я лишь стараюсь помочь тебе. А ты, похоже, даже не пытаешься выглядеть привлекательной.

– Ах, мама, мне все равно. И никому до этого нет дела. Вряд ли кто-то обратит на меня внимание. Все будут слушать, как принцесса произносит клятву или что-то в этом роде.

«Просто оставь меня в покое, – взмолилась в душе Джой. – Не дай бог весь вечер выслушивать твои колкости».

– Ну а мне не все равно. Люди подумают, что я воспитала в тебе пренебрежительное отношение к вещам.

Для Элис было очень важно, что подумают люди. «В Гонконге все на виду», – любила повторять она. Всегда кто-нибудь на тебя смотрит, кто-нибудь о тебе судачит. «В каком крохотном и скучном мирке мы живем», – хотелось ответить Джой. Но она молчала, хотя это было правдой.

Отец, несомненно, напьется и станет целовать всех женщин в губы, а не в щеку, заставляя их беспокойно озираться по сторонам из опасения, что они сами дали ему повод. Немного расслабившись, он позже накричит на Элис. Хорошая жена

не мешала бы мужу чуть повеселиться после нескольких недель изматывающей работы в Китае, ведь все мы знаем, каково это – иметь дело с азиатами! Он очень изменился после вторжения японцев. Но тогда об этом не говорили.

Там были Брогэм-Скотты. И Маршанты, и Дикинсоны, и Аллейны. И все прочие семейные пары, которые принадлежали к особому классу, обитавшему между Пиком и Робинсон-роуд (в те дни в «среднем ярусе» действительно жили представители сословия клерков). Они встречались на вечеринках в Крикетном клубе Гонконга, на скачках в Хэппи-Вэлли, совершали совместные плавания на джонках к отдаленным островам, попивая херес и сокрушаясь по поводу москитов, покупки молока, цен на недвижимость и шокирующей невежественности китайцев. Говорили об Англии, о том, как тоскуют по ней, о приезжающих оттуда теперь, о своей скучной, неинтересной жизни и о том, какой тусклой им казалась тогда Англия, хотя война давным-давно закончилась. Но больше всего судачили друг про друга, причем у военных был в ходу особый язык, приправленный солдатскими шутками, торговцы безжалостно поносили конкурентов, а женщины, соревнуясь в язвительности, примыкали то к одной, то к другой группке.

Но хуже всего, что там был не пропускающий ни одного сборища Уильям – со скошенным подбородком и редкими светлыми волосами, вполне сочетающимися с писклявым голосом. Он, бывало, обнимет Джой за талию влажной рукой и, не спрашивая ее согласия, ведет куда-то. Из вежливости делая вид, что слушает, она заглядывала сверху на его макушку, замечая новые залысины.

– Думаешь, она волнуется? – спросила Стелла.

Ее блестящие волосы были собраны на затылке. Ни один выбившийся волосок не завивался во влажном воздухе, в отличие от волос Джой, которые стремились распушиться, едва их собирали в пучок. Когда Джой закалывала волосы, ее горничная Бей Лин, бывало, хмурилась и ворчала, словно Джой делала это нарочно.

– Кто?

– Принцесса. Я бы волновалась. Как подумаешь обо всех этих свидетелях церемонии…

В последнее время Стелла, щеголявшая по случаю предстоящих торжеств в красной юбке, белой блузке и голубом кардигане, проявляла, как казалось Джой, какой-то нездоровый интерес к принцессе Елизавете. Подруга обсуждала украшения принцессы, ее наряды, вес короны, даже то, как ее муж, наверное, завидует ее титулу, поскольку сам не станет королем. Джой подозревала, что Стелла пытается отождествить себя с принцессой.

– Ну, не все же ее увидят. Многие, как мы, будут только слушать репортаж по радио.

Обе они отступили в сторону, чтобы дать проехать машине, успев мельком заглянуть в нее – нет ли там знакомых.

– Но принцесса может все же перепутать слова. Я бы перепутала. Я наверняка запиналась бы.

Джой усомнилась в этом, поскольку Стелла почти во всем была образцом настоящей леди. В отличие от Джой у Стеллы был рост, приличествующий молодой леди, и она носила элегантные наряды, которые портниха из Цим-Ша-Цуй шила ей по последним парижским фасонам. Стелла никогда не спотыкалась, не дулась в компании и могла без устали болтать с бесконечной чередой офицеров, которых принуждали посещать приемы, чтобы отвлечься от мыслей о неминуемой отправке на корейскую войну.

– Как думаешь, мы останемся до конца?

– До конца церемонии? – выдохнула Джой, пнув камень. – Это займет не один час, все напьются и примутся сплетничать. А моя мать начнет флиртовать с Данканом Аллейном и заговорит о том, что Уильям Фаркухарсон состоит в родстве с Джардинами и имеет все шансы жениться на девушке с моим положением в обществе.

– Я бы сказала, он по росту недотягивает до твоего положения в обществе. – Стелла тоже иногда острила.

– Я специально надела туфли на высоком каблуке.

– Ладно тебе, Джой. Это же здорово. У нас будет новая королева.

– Чему тут особенно радоваться? – пожала плечами Джой. – Мы даже живем с ней в разных странах.

– Но она все-таки наша королева. И почти одного возраста с нами! Подумай только! Это же самый большой прием за много лет. Все там соберутся.

– Но там не будет ничего нового. Неинтересно ходить на вечеринки, где всегда одни и те же люди.

– Ах, Джой, зачем настраиваться на скуку? Полно новых людей, с которыми можно поговорить.

– Но мне не о чем с ними разговаривать. Их интересуют только магазины и тряпки и кто кому навредил.

– Извини меня, – насмешливо произнесла Стелла, – а о чем еще говорить?

– Я не имею в виду тебя. Ты же понимаешь, о чем я. В жизни должно присутствовать много другого. Неужели тебе не хочется поехать в Америку? Или в Англию? Путешествовать по свету?

– Я уже побывала во многих местах. – (Отец Стеллы был капитаном корабля.) – Честно говоря, мне кажется, люди повсюду интересуются одним и тем же. В Сингапуре это была одна сплошная вечеринка с коктейлями. Даже маме стало скучно. Так или иначе, люди не всегда одни и те же. Есть офицеры. Сегодня их там много соберется. И ты наверняка познакомишься не со всеми.

Офицеров собралось много. Широкая терраса на вилле Брогэм-Скоттов, с которой в те редкие моменты, когда на вершине Пика Виктории рассеивался туман, открывался великолепный вид на залив Гонконг, сейчас являла собой море белого цвета. Внутри, под вентиляторами, жужжащими наподобие огромных пропеллеров, бесшумно сновали среди гостей китайские слуги в мягких туфлях, тоже одетые в белые куртки, разнося на серебряных подносах напитки со льдом в высоких бокалах. Гул голосов то перекрывал музыку,

то заглушался ею, и сама музыка, казалось, затихала в удушливой влажной жаре. Вымпелы с «Юнион Джеком», развешенные под потолком, болтались, как мокрые тряпки, едва покачиваемые искусственным ветерком.

В углу отделанной мрамором гостиной полулежала в шезлонге, обитом дамастом, обольстительная, томно-бледная Элвин Брогэм-Скотт. Ее, как обычно, окружала толпа предупредительных офицеров. На Элвин было шелковое темно-фиолетовое платье с глубоким вырезом и юбкой в сборку, ниспадающей складками на длинные бледные ноги. У нее под мышками нет пятен от пота, отметила по себя Джой, крепче прижимая руки к бокам. Одну из туфель, отделанных искусственным мехом горностая, Элвин уже сбросила на пол, выставив на обозрение ярко-красные ногти. Джой знала, что именно скажет ее мать, увидев Элвин и досадуя на себя на то, что у нее самой не хватит на это смелости. Дальше ярко-красной помады для губ Элис не шла, но не потому, что не хотела.

Джой и Стелла положили ноты на столик и кивнули в знак приветствия, зная, что миссис Брогэм-Скотт не любит, когда ее прерывают.

– Как мы будем слушать церемонию? – спросила Стелла, с беспокойством озираясь по сторонам в поисках радиоприемника. – Как они узнают, когда все начнется?

– Не волнуйтесь, моя дорогая, у нас еще есть время, – взглянув на часы, ответил Данкан Аллейн. – Не забывайте, что на родине время отстает на восемь часов.

Данкан всегда разговаривал как герой Королевских военно-воздушных сил из фильмов о войне. Девушкам это казалось смешным, однако Элис, к досаде Джой, как будто воображала, что сама она похожа на Селию Джонсон[1 - Селия Джонсон (1908–1982) – английская актриса театра и кино. – Здесь и далее примеч. перев.].

– А ты знаешь, что ей предстоит принять «живых оракулов Бога»? – восторженно произнесла Стелла.

– Что?

– Принцессе Елизавете. Во время церемонии. Ей предстоит принять «живых оракулов Бога». Понятия не имею, кто они такие. И ей будут прислуживать четыре кавалера ордена Подвязки. Как думаешь, а они действительно следят за ее подвязками? В конце концов, у нее ведь есть дама, отвечающая за гардеробную. Мне сказала об этом Бетти Уорнер.

Джой заметила мечтательный взгляд Стеллы. Почему это событие не приводит ее саму в восторг? Почему мысли о предстоящем вечере внушают ей только ужас?

– А еще, ни за что не поверишь: при миропомазании миро наносится ей прямо на грудь. По-настоящему. Жаль, мы только услышим все по радио и не увидим, как архиепископ дотрагивается до нее.

– Привет, Джой. Ей-богу, у тебя немного взмыленный вид. Пешком сюда добиралась? – Это был Уильям. Залившись краской смущения, он робко протянул ей руку. – Извини. Я не то хотел сказать, то есть я тоже добирался пешком. И ужасно вспотел. Гораздо сильнее тебя. Взгляни.

Джой подхватила с подноса высокий бокал с розовым напитком и залпом выпила. В тот день не одна принцесса Елизавета принесла свою жизнь в дар стране.

К моменту начала коронации из высоких бокалов было выпито немало розовых коктейлей. Джой, стремившаяся достигнуть обезвоживания в условиях влажности, осушала бокалы один за другим. Коктейли по вкусу мало походили на алкоголь, а мать выпустила ее из поля зрения, поскольку разрывалась между наглой ухмылкой Тоби Джагга[2 - Тоби Джагг – главный герой произведения Денниса Уитли «Преследователь Тоби Джагга», военный летчик, получивший тяжелое ранение и оказавшийся прикованным к инвалидному креслу.] на лице Данкана Аллейна и досадой на мужа, который явно наслаждался вечером. Поэтому Джой очень удивилась, увидев, что портрет принцессы Елизаветы, висящий на стене столовой, начинает вдруг двоиться и как будто даже заговорщицки ухмыляться при виде попыток Джой идти по прямой линии.

Несколько часов кряду гул множества голосов, возбужденных обильной выпивкой, то нарастал, то стихал, заполняя собой внушительный первый этаж

виллы. Не наделенная даром свободно беседовать, Джой все больше замыкалась в себе. Похоже, ей удается лишь отталкивать от себя людей, а не привлекать их. Она наконец избавилась от Уильяма, сказав ему, что с ним хочет поговорить по какому-то делу мистер Эймери. Стеллу поглотил кружок восхищенных морских офицеров. Рейчел и Джинни, две другие девушки ее возраста, сидели в уголке со своими кавалерами-близнецами, волосы которых сияли от бриллиантина. Освободившись от докучливого внимания со стороны сверстников, Джой сдружилась с высокими бокалами.

Заметив, что ее бокал почему-то опять пуст, она поискала глазами слугу. Слуг как будто поубавилось, или, быть может, ей стало трудно отличать их от прочих людей. Хихикнув про себя, Джой подумала, что им стоило бы носить куртки с «Юнион Джеком». «Юнион джекеты». Или маленькие короны.

Она смутно различила звуки гонга и смеющийся тенор мистера Брогэм-Скотта, который созывал гостей к радиоприемнику. На миг прислонившись к колонне, Джой стала ждать, пока люди перед ней не продвинутся вперед. Тогда она сможет выйти на террасу и подышать свежим воздухом. Но покачивающиеся людские тела стояли перед ней сплошной стеной.

– О господи… – пробормотала она, – мне надо на воздух.

Джой думала, что произнесла эти слова мысленно, но вдруг кто-то взял ее за руку и тихо проговорил:

– Тогда давайте я помогу вам выйти.

С удивлением Джой обнаружила, что ей пришлось поднять глаза. Ей редко доводилось поднимать взгляд – она была выше всех китайцев и большинства мужчин на приеме. Джой с трудом различила два удлиненных серьезных лица над двумя тугими белыми воротничками, которые склонились к ней. Морской офицер. Или два. Точно она не знала. Так или иначе, один из них взял ее под руку и осторожно повел через толпу к террасе.

– Хотите сесть? Дышите глубже. Я принесу вам стакан воды. – Усадив ее в плетеное кресло, офицер исчез.

Джой с жадностью вдохнула свежего воздуха. Смеркалось, и на Пик опустился туман, скрыв виллу от остальной части острова Гонконг. Единственными признаками того, что она здесь не одна, были отдаленные сиплые гудки барж, бороздящих воды внизу, шелест листьев баньянов и чуть различимая струя чеснока и имбиря, разлитая в неподвижном воздухе.

Именно этот запах доконал Джой.

– О господи… – снова пробормотала она, – о нет…

Оглянувшись, Джой с облегчением заметила, что последние из гостей исчезают в комнате с радиоприемником. Перегнувшись через перила террасы, она долго и шумно блевала.

Наконец она выпрямилась, тяжело дыша, с прилипшими к вискам влажными волосами. Открыв глаза, Джой увидела перед собой того морского офицера, который протягивал ей стакан воды со льдом. Джой лишилась дара речи. Она лишь посмотрела на него в немом ужасе, потом наклонила зардевшееся от смущения лицо к стакану с водой. Быстро протрезвев, она молила лишь о том, чтобы офицер исчез.

– Дать вам носовой платок?

Джой не поднимала лица, хмуро уставившись на свои туфли на высоченных каблуках. У нее в горле застряла какая-то гадость, не желавшая опуститься вниз, несмотря на все ее попытки сглотнуть.

– Послушайте, вот, возьмите.

– Пожалуйста, уходите.

– Что?

– Я сказала: уйдите, пожалуйста.

Если она сейчас же не смоется, ее застукает здесь мать, и начнется светопреставление. Джой прикинула возможные варианты:

ее никуда нельзя брать с собой;

позор ее поведения;

почему она не может быть такой, как Стелла?

что подумают люди?

– Прошу вас. Пожалуйста, уйдите.

Джой понимала, как невежливо это звучит, но страшилась, что ее обнаружат или что во время светского разговора бог знает что может выплеснуться на ее блузку, поэтому выбрала из двух зол меньшее.

Наступила долгая пауза. Из столовой доносились громкие восклицания.

– Мне так не кажется. Думаю, вам лучше пока не оставаться одной.

Голос был не такой молодой, как те возбужденные, резкие голоса большинства офицеров, но без басовитых нот, присущих властным людям. По званию он, должно быть, не выше офицера.

«Почему он не уходит?» – думала Джой.

Но офицер продолжал стоять рядом. На одной штанине его безукоризненных брюк она заметила крошечное оранжевое пятнышко.

– Послушайте, сейчас мне гораздо лучше, спасибо. И мне правда хочется, чтобы вы ушли. Пожалуй, я пойду домой.

Мать придет в ярость. Но Джой скажет, что заболела. И это не будет откровенной ложью. Правду будет знать только этот мужчина.

– Позвольте проводить вас, – произнес он.

Из дома вновь послышался нарастающий шум, а затем чей-то визгливый, немного истеричный смех. Вдруг зазвучала джазовая мелодия и столь же резко оборвалась.

– Держитесь за меня, – сказал офицер. – Я помогу вам подняться.

– Прошу вас, оставьте меня в покое!

На этот раз ее голос прозвучал резко даже для собственных ушей. Ответа не последовало, а потом, затаив дыхание, Джой услышала удаляющиеся шаги, когда он медленно выходил с террасы.

Джой было не по себе, но чувство стыда быстро прошло. Она встала, отпила большой глоток воды со льдом и поспешно, чуть пошатываясь, пошла в дом. Если немного повезет, она сможет сбежать, пока все слушают. Но когда Джой проходила мимо двери гостиной, оттуда начали просачиваться гости. В первых рядах с расстроенным выражением лица и заплаканными глазами шла Стелла.

– Ах, Джой, представляешь?

– Что? – откликнулась Джой, прикидывая, как бы поскорей пройти мимо нее.

– Ах, этот проклятый приемник! Угораздило его сломаться именно сегодня! Невероятно, что у них один на весь дом. Наверняка у всех больше одного приемника в доме.

– Не стоит волноваться, дорогая Стелла, – сказал Данкан Аллейн, одной рукой теребя усы, а другой задержавшись на ее плече чуть дольше, чем того требовало якобы отеческое внимание. – Кто-нибудь мигом принесет приемник из дома Маршантов, и вы ничего не пропустите.

– Но мы пропустим все начало. И никогда больше этого не услышим! Возможно, за всю нашу жизнь не будет другой коронации. О, это просто невозможно!

Теперь Стелла плакала по-настоящему, не обращая внимания на гостей вокруг. Не исключено, что некоторые из них считали священную королевскую церемонию досадной помехой для этой замечательной вечеринки.

– Стелла, я хочу уйти, – прошептала Джой. – Очень жаль, но мне нездоровится.

– Но так нельзя! Подожди хотя бы, когда принесут приемник.

– Завтра я к тебе загляну.

Заметив, что родители вместе с другими гостями сидят вокруг молчащего радио, Джой устремилась к двери. Кивнув слуге, который выпустил ее из дома, она оказалась одна во влажном вечернем воздухе, прислушиваясь к писку москитов и немного сожалея об оставшемся в доме мужчине.

Экспатрианты Гонконга привыкли к хорошей жизни с едва ли не каждодневными вечеринками и ужинами, поэтому по утрам на улицах не часто можно было встретить европейцев. Но вот Джой оказалась в меньшинстве, проснувшись на следующее утро с совершенно ясной головой после досадного происшествия с розовыми коктейлями.

Казалось, все живущие вблизи пика страдают от похмелья. Мимо бесшумно проходили парами китайцы и китаянки, некоторые с тяжелыми корзинами или тележками, но не было видно ни одного европейца. Побеленные дома, стоящие на отдалении от дороги, были увешаны поникшими разноцветными полотнищами, а из окон свешивались портреты улыбающейся принцессы, как будто утомленной излишествами прошлого вечера.

Шлепая по квартире с тиковыми полами, они с Бей Лин разговаривали шепотом, чтобы не разбудить Элис и Грэма, которые до поздней ночи возбужденно и сбивчиво ругались. Джой решила, что стоит отправиться на Новые территории, чтобы заняться верховой ездой. Сегодня домашние с приступами головной боли, которую только усугубит влажная жара, будут в раздраженном оцепенении валяться на диванах под вентиляторами. В такой день не следует оставаться в городе. Но Джой смущало то, что нет никого, кто мог бы вывезти ее из города.

Около десяти она подошла к дому Стеллы, но все шторы были задернуты, и Джой не решилась войти. Отец, на которого она всегда могла рассчитывать, вряд ли встанет раньше полудня. А больше ей не к кому было обратиться. Сидя в плетеном кресле у окна, Джой забавлялась мыслью о том, как бы доехать на трамвае до центра города, а потом сесть на поезд. Но она никогда не ездила

туда одна, а Бей Лин отказалась ехать с ней, понимая, что хозяйка очень рассердится, если узнает, что прислуга уехала на прогулку.

– О Боже, храни чертову королеву! – буркнула Джой вслед удаляющейся спине прислуги.

Джой не в первый раз возмущалась ограничениями в своей жизни, как территориальными, так и физическими. Когда вскоре после вторжения японцев в Гонконг колонию покинули женщины и дети, Джой с матерью некоторое время жила в Австралии, и там она испытала неслыханную свободу. Они жили у сестры Элис, Марселлы. Двери ее дома, стоявшего прямо на берегу океана, были всегда открыты для Джой и многочисленных соседей. По сравнению с обитателями Гонконга эти люди казались такими свободными и жизнерадостными.

Элис тоже держалась там непринужденно, она расцвела в сухом жарком климате, где все говорили на ее родном языке, а высокие загорелые мужчины беззастенчиво флиртовали с ней. Там манеры Элис казались верхом изысканности, а наряды поражали воображение. В изгнании Элис удалось предстать именно в таком виде, как ей хотелось: шикарной экзотической космополиткой. Кроме того, Марселла, будучи моложе сестры, уважала ее вкусы и стиль, что было приятно. В этой благоприятной атмосфере Элис меньше обычного беспокоилась за Джой, спокойно отсылала ее на пляж или в торговую галерею – совсем не так, как в Гонконге, где она была постоянно озабочена огрехами во внешности дочери, ее манерами и потенциальными опасностями, с которыми может столкнуться девушка в нецивилизованной стране.

– Ненавижу свою жизнь, – вслух произнесла Джой, дав волю мыслям, которые облаком нависли над ней.

– Мэм? – В дверях стояла Бей Лин. – Вас хочет видеть джентльмен.

– Спрашивает мою мать?

– Нет, мэм, вас. – Она многозначительно ухмыльнулась.

– Пригласи его.

Нахмурившись, Джой пригладила волосы и встала. Меньше всего ей нужно было сейчас общество.

Дверь открылась, и вошел незнакомый мужчина в белой рубашке с коротким рукавом и светло-желтых брюках. Аккуратно подстриженные рыжеватые волосы, удлиненное аристократическое лицо и светло-голубые глаза. Высокий, он пригнулся, проходя в дверь, в чем не было необходимости, – вероятно, по привычке. Моряк, рассеянно подумала Джой. Они всегда пригибаются перед дверями.

– Мисс Леонард… – Мужчина держал перед собой соломенную шляпу, сжимая ее обеими руками.

Джой смотрела на него в оцепенении, не понимая, откуда он знает ее имя.

– Эдвард Баллантайн. Прошу извинить меня за вторжение. Я лишь хотел… Решил, проверю, как вы.

Вглядевшись в лицо мужчины, Джой с ужасом узнала его и покраснела. До сих пор она видела это лицо только в удвоенном варианте. Она невольно поднесла руку ко рту.

– Я позволил себе смелость спросить у вашей подруги ваше имя и адрес. Просто хотел убедиться, благополучно ли вы добрались до дома. И ругал себя за то, что отпустил вас одну.

– Ну что вы, – ответила Джой, упорно глядя себе на ноги. – Со мной все хорошо. Вы очень добры, – немного помолчав, добавила она, понимая, что накануне была груба.

Некоторое время они стояли молча, а потом до нее дошло, что он не собирается уходить. Джой стало настолько не по себе, что мурашки забегали по спине. Никогда она не испытывала такого смущения, как накануне вечером, а теперь оно возвращалось к ней, как навязчивый запах. Почему он не оставит ее в покое? Оставит с ее унижением? Бей Лин замешкалась в дверях, но Джой намеренно проигнорировала ее. Она не станет предлагать гостю напитки.

– На самом деле, – начал он, – я хотел пригласить вас на прогулку. Или сыграть в теннис. Нашему капитану дано особое разрешение пользоваться кортами внизу, в Козуэй-Бей.

– Нет, благодарю вас.

– А нельзя ли попросить вас показать мне некоторые из местных достопримечательностей? Я никогда не бывал в Гонконге.

– Очень жаль, но я как раз собиралась уйти, – ответила Джой, по-прежнему не решаясь на него посмотреть.

Наступила долгая пауза. Он явно пялился на нее. Она это чувствовала.

– Что-то интересное?

– Что-что?

Джой слышала, как сильно колотится у нее сердце. Почему он не уходит?

– Вы сказали, что уходите. Просто… хотелось бы знать… куда?

– Еду кататься верхом.

– Кататься верхом? Здесь есть лошади?

Уловив энтузиазм в его голосе, Джой подняла глаза.

– Не здесь, – сказала она. – По крайней мере, не на острове. На Новых территориях. Друг моего отца держит там конюшню.

– Не возражаете, если я поеду с вами? Дома я немного езжу верхом. А сейчас мне очень этого не хватает. В сущности, я уже девять месяцев не видел лошадей.

Он произнес это с тоской, с какой большинство военных говорят о своих родных. Его лицо словно распахнулось, довольно резкие черты смягчились. Поневоле Джой подумала, что он как-то по-взрослому красив.

Но этот человек видел, как она опозорила себя на террасе.

– У меня есть автомобиль. Я могу вас подвезти. Или просто поехать за вами следом, если это более… удобно.

Джой понимала, что мать придет в ужас, узнав от Бей Лин о том, что мисс Джой уехала на машине с незнакомым мужчиной, но останься она на весь день под пятой матери, отражая ее нападки, это будет намного хуже.

Как же восхитительно было нестись по пустынным дорогам с этим незнакомым высоким веснушчатым мужчиной, который, не дожидаясь ее неловких слов, как другие офицеры, без умолку говорил сам. Говорил о своих лошадях в Ирландии – странно, что у него не было ирландского акцента, – о просторах охотничьих угодий своих родных мест, по сравнению с которыми невыносима нескончаемая скука замкнутого пространства корабля, когда на многие месяцы втиснут с одними и теми же людьми в один и тот же мирок.

Джой не слышала прежде, чтобы человек так говорил – не прибегая в речи к бесконечным обрывочным суждениям, как большинство офицеров, с которыми она общалась. В искренних речах Эдварда не было сумбурности. Он говорил как человек, долгое время лишенный общения, судорожно извергая целые предложения, словно утопающий, который ловит ртом воздух. Фразы у него перемежались взрывами громкого, утробного хохота. Время от времени он останавливался, поглядывая на нее словно в смущении от собственной несдержанности, и умолкал до следующей бурной тирады.

Джой поймала себя на том, что тоже смеется – поначалу робко. Этот незнакомый мужчина помог постепенно высвободиться ее собственному «я», и к тому времени, когда они приехали на конюшню, Джой вся светилась и смеялась, чего с ней раньше не бывало. Элис не узнала бы свою дочь. По сути дела, Джой сама себя не узнавала. Она украдкой бросала взгляды на мужчину рядом с собой, робко отводила глаза, когда он смотрел на нее, то есть в целом вела себя – ну да – как Стелла.

Мистер Фогхилл сказал, что разрешит Эдварду покататься верхом. Джой втайне надеялась на это, и, когда Эдвард стоял с ним во дворе, с почтением рассуждая о знаменитых гунтерах[3 - Гунтер – английская верховая лошадь, предназначенная для охоты с собаками.] и соглашаясь с превосходством ирландских рысаков над английскими, вдовец утратил всю свою чопорность и даже порекомендовал собственную лошадь, норовистого гнедого жеребца. Мистер Фогхилл потребовал, чтобы Эдвард проехал пару кругов по манежу, проверяя его посадку и руки. Очевидно, увиденное его удовлетворило, и они медленно выехали за ворота, откуда дорога вела в открытую местность.

На этом этапе Джой перестала понимать, что на нее нашло. Она все время улыбалась и кивала, хотя непривычный шум в ушах заглушал его слова. Ей трудно было на чем-нибудь сосредоточиться, поэтому она радовалась тому, что держит поводья, уставившись на длинную серую шею перед собой, которая опускалась и поднималась одновременно с цокотом копыт. Джой ощущала отстраненность от всего окружающего и в то же время обостренно воспринимала каждую деталь. Например, руки Эдварда. Или веснушки. Или две складки, пролегающие у рта, когда он улыбался. Она не заметила даже, что ее шею облепили москиты, забравшиеся под собранные на затылке волосы и впивавшиеся в бледную нежную кожу.

Но больше всего Джой нравилось, что Эдвард хороший наездник. Как высоко и непринужденно он держался в седле, как умело тянули его руки поводья, не травмируя лошадиную пасть. Одной рукой он время от времени гладил лошадь или прихлопывал зазевавшуюся муху. Джой бывала в конюшне с другим мужчиной, который поначалу ей нравился, застенчивым банкиром, другом ее отца. Но однажды она увидела, как он, не в силах скрыть свой страх, беспокойно заерзал на лошади, когда та пошла рысцой, и робкое увлечение Джой рассеялось, как дым на ветру. А Уильяма она даже и близко к себе не подпускала. Стоило раз увидеть иного мужчину верхом на лошади, и всякая симпатия к нему пропадала. Только сейчас Джой почувствовала мощную притягательность мужчины, умеющего хорошо ездить верхом.

– Были когда-нибудь в Шотландии? – спросил Эдвард.

– Что?

– Эти проклятые москиты. – Он хлопнул себя по шее. – Везде достанут!

Джой вспыхнула и опустила глаза. Они поехали дальше.

Небо постепенно темнело и нависало над ними, и Джой не понимала, от чего промокла ее одежда – от влажного воздуха или пота, и почему к коже прилипают травинки и семена. Эта атмосфера, казалось, заглушает все вокруг, даже звук лошадиных копыт, которые казалось, были обернуты фланелью. Они сами чувствовали, что завернуты в теплое влажное одеяло. Высоко над ними сарычи на фоне Львиной горы висели, как черные капли влаги, словно бы не в силах пошевелиться. Листья, задевающие ее ботинки, оставляли следы влаги, хотя дождя не было.

Если Эдвард и замечал, что мысли Джой беспорядочно перескакивают с одного на другое, или что она то и дело вспыхивает, не находя слов, или что лошадь, воспользовавшись ее рассеянностью, объедает кустарник, то ничего не говорил. Джой немного успокоилась, когда они пустили лошадей легким галопом по дороге вдоль рисового поля, а вскоре Эдвард подъехал к придорожной лачуге, чтобы купить ей четвертинку дыни. И только теперь Джой осознала, что смотрит на него без смущения. В один из таких моментов Джой поняла, что у нее развязалась лента и волосы упали на плечи влажными спутанными прядями. Но если Эдвард это и заметил, то не показал виду, а просто протянул руку с носовым платком и отвел с ее лица прядь волос. Это прикосновение подействовало на Джой, как удар тока, и она долго не могла прийти в себя.

– Знаете, Джой, я прекрасно провел время, – задумчиво произнес Эдвард, когда они отводили лошадей во двор. – Вы даже не представляете себе, что для меня значит верховая езда.

Джой понимала, что пришло время ей заговорить, но боялась сказать какую-нибудь несуразицу и, хуже того, выдать незнакомое, страстное желание, невесть откуда взявшееся. А если она ничего не скажет, что он тогда про нее подумает?

– К тому же немногие из знакомых девушек умеют ездить верхом. Дома девушки из моей деревни – как бы это сказать – чересчур упитанные. Деревенские девушки. Во всяком случае, езжу верхом я обычно не с такими. А в портах, куда мы приходим, девушки любят ходить на коктейли и блистать остроумием, а я не очень в этом силен. У меня была однажды девушка – вы немного на нее похожи, – но она… Ну, все это в прошлом. И я не встретил пока никого, с кем мне будет всегда хорошо.

Ах, как же Джой хотелось поцеловать его! И хотелось закричать. Но она лишь улыбнулась и кивнула, украдкой бросая на него взгляды из-под влажных прядей и в то же время ругая себя за свое неожиданное превращение в девушку того типа, который она всегда презирала. Джой не знала, чего хотеть от мужчины, – ей не приходило в голову, что она может что-то хотеть. А теперь ее тянуло к Эдварду, но не потому, что он какой-то особенный, а потому, что он сплошное отрицание: не заставляет ее смущаться, верхом на лошади не выглядит мешком с рисом и не смотрит на нее так, словно хочет видеть на ее месте кого-то другого. Джой переполняло какое-то чувство – более сильное, чем тошнота, но точно так же выбивающее из колеи.

– Спасибо вам. Как бы то ни было, я прекрасно провел время. – Эдвард почесал голову, не глядя на нее, и волосы у него встали дыбом. – Хотя я знаю, что вы не хотели, чтобы я пришел.

После этих слов Джой в ужасе воззрилась на него, но он смотрел в сторону. Она не знала, как уверить его, что он неправильно ее понял, что она не прогоняла его, а спасалась от тошноты. Но в то же время Джой не хотела вспоминать о том происшествии и не хотела, чтобы Эдвард запомнил ее такой. Ах, где же Стелла, когда она так нужна? Она знает, как разговаривать с мужчинами. Джой рассудила, что лучшим ответом будет краткое «нет», но они уже двигались к конюшне верхом на лошадях, устало кивающих опущенными головами.

Эдвард вызвался отвести лошадей в конюшню, и мистер Фогхилл предложил Джой освежиться в дамской комнате. Взглянув на себя в зеркало, она поняла, что мистер Фогхилл очень заботлив. У нее был вид пугала. Влажные вьющиеся волосы спутались. Джой попыталась расправить их пальцами, но они встали дыбом. Потное лицо испачкано дорожной пылью, на белой рубашке – зеленоватые следы от лошадиной слюны, там, где лошадь потерлась о нее, когда она спешилась. Джой принялась яростно тереть лицо влажным полотенцем, ругая себя за то, что не вспомнила о таких простых вещах, как расческа или запасная лента. Стелла ни за что не забыла бы. Однако Эдвард встретил ее широкой улыбкой, словно ее туалет был безупречен. Только тогда она заметила, что его брюки заляпаны пятнами от пота и красноватой грязи, а чистые лишь внизу, поскольку мистер Фогхилл одолжил ему сапоги.

– Экипаж подан, – сказал Эдвард с ухмылкой, глядя на себя самого. – Вам придется показывать дорогу. Я не имею ни малейшего представления, где мы сейчас.

На обратном пути Эдвард держался более спокойно, и Джой острее воспринимала собственное молчание. Она показывала дорогу, но, хотя и чувствовала себя в его обществе непринужденно, не знала, о чем с ним говорить. Не хотелось болтать о пустяках, но как сказать Эдварду, что за четыре часа он перевернул ее мир? Джой увидела его глазами другие земли, цветущие зеленые поля с охотничьими собаками, эксцентричных сельских жителей и мир без вечеринок с коктейлями. Его речь, лишенная фальши и заумностей, сильно отличалась от манерного языка экспатриантов Гонконга. Широкие веснушчатые руки говорили о доброте, любви к лошадям и о чем-то еще, что заставляло ее сердце сжиматься.

– Жаль, что не встретил вас раньше, – произнес он, и ветер отнес его слова в сторону.

– Что вы сказали? – Джой поднесла ладонь к уху.

– Я сказал, жаль, что не встретил вас раньше. – Он сбавил скорость, чтобы она услышала его. Мимо них, громко гудя, пронесся автомобиль, набитый морскими офицерами. – Я… я не знаю. Просто обидно, что я послезавтра отбываю.

– Что? – Джой похолодела. – Вы хотите сказать…

– Мы отплываем через два дня. У меня остается один день на берегу, а потом мы направляемся в корейские воды.

Джой была не в силах скрыть ужас. Это слишком жестоко. Встретить кого-то – встретить его, – и он должен так скоро уехать…

– Надолго? – спросила она тонким дрожащим голосом, совсем не похожим на ее голос.

Эдвард повернулся к Джой и, уловив что-то в ее лице, посмотрел вперед, собираясь остановить машину.

– Думаю, мы сюда не вернемся, – глядя на нее, сказал он. – Сделаем свое дело вместе с янки в корейских водах и отправимся в Нью-Йорк. Пробудем в море несколько месяцев.

Говоря это, он смотрел ей прямо в глаза, словно подводя ее к мысли о невозможности контактов для человека, который всегда в пути.

Джой почувствовала, что у нее сейчас расколется голова. И, как она заметила, задрожали руки. Как будто ей вручили ключ от тюремной камеры, но оказалось, ключ резиновый. К своему ужасу, она поняла, что сейчас расплачется.

– Не могу, – кусая губы, тихо произнесла она.

– Что?

Эдвард потянулся к ней, едва не коснувшись ее руки.

– Не могу вот так отпустить вас. Не могу отпустить.

На этот раз Джой говорила громко, глядя прямо ему в глаза. Говоря это, она сама не верила своим словам, совершенно непозволительным для девушки ее воспитания. Но слова эти сами выскакивали изо рта наподобие твердых теплых камушков, падая к его ногам как подношение.

Последовала долгая, напряженная пауза, когда она думала, что умрет. Потом Эдвард взял ее за руку. Ее ладонь была сухой и теплой.

– Я думал, что не нравлюсь вам, – сказал он.

– Мне никогда никто не нравился. Вернее сказать, раньше не нравился. Раньше мне ни с кем не было так хорошо. – Теперь Джой говорила быстро и невнятно, не пытаясь контролировать слова, но Эдвард не отодвинулся от нее. – Мне бывает так трудно разговаривать с людьми. Здесь нет никого, с кем мне хотелось бы общаться. За исключением Стеллы, моей подруги. А когда вы пришли сегодня утром, мне стало так стыдно за вчерашнее, что проще было отослать вас, чем пытаться быть с вами любезной. Но потом вы остались, и мы поехали на машине, и все прочее. Я не испытывала ничего подобного. Не было

такого, чтобы меня не критиковали. Чтобы просто сидеть и человек тебя понимал.

– Я подумал, вы мучаетесь от похмелья, – со смехом произнес он.

Но она была так переполнена чувствами, что не смогла засмеяться в ответ.

– Я согласна со всем, о чем вы сегодня говорили. Все, о чем вы говорили, я испытала сама. Но конечно, не охоту, потому что я не бывала на охоте. Но все, что вы говорили о вечеринках, о людях и о том, что иногда лошади вызывают большую симпатию, чем люди, и что вы не против, если люди посчитают вас немного странным, – это ведь и про меня тоже. Про меня. Как будто я слушала собственные мысли. Поэтому я не могу… не могу вас отпустить. А если вы ужаснетесь моим словам и посчитаете меня самым бесцеремонным и навязчивым существом, то и пусть, потому что впервые за всю жизнь я была самой собой.

По пылающим щекам Джой сползли две тяжелые соленые слезинки, как дань переживаниям после произнесения самой долгой своей речи за взрослую жизнь. Она пыталась сдержать слезы, испытывая одновременно ужас и восторг от содеянного. Она унизилась перед этим незнакомым человеком, и ее мать, а возможно, и Стелла расценят ее поведение как недопустимое. Сказав ему, что ей все равно, она покривила душой. Если сейчас он отвернется от нее, произнесет какие-нибудь вежливые банальности о том, как чудесно он провел день и как она, должно быть, устала, она продержится до дома, а потом найдет способ… да, убить себя. Потому что ей невмоготу будет скользить по поверхности, когда она успела погрузиться в прохладную, умиротворяющую глубину. «Скажи хотя бы, что понимаешь, о чем я говорю, – взмолилась она про себя. – Мне будет этого довольно».

Наступило долгое, мучительное молчание. Мимо с ревом промчалась очередная машина.

– Пожалуй, нам лучше вернуться, – сказал Эдвард, кладя руку на руль, а другой включая передачу.

Джой замерла и очень медленно, плавно прислонилась к спинке сиденья. Она все поняла неправильно. Да, разумеется. С чего она взяла, что подобный

всплеск чувств завоюет уважение мужчины, не говоря уже о его сердце?

– Простите, – прошептала она, опуская голову. – Простите меня.

Господи, какой же дурой она была!

– За что? – спросил Эдвард, отводя с ее лица влажную завесу волос. – Я хочу поговорить с вашим отцом.

Джой беспомощно на него посмотрела. Неужели он собирается сказать отцу, что она дурочка?

– Послушайте, – сказал он, дотронувшись до ее лица рукой, пахнувшей потом и лошадьми. – Знаю, вы подумаете, что это немного неожиданно. Но, Джой, если вы согласны, я хочу попросить у него вашей руки.

– Вы ведь не думаете, что мы согласимся? – произнесла ее мать, лицо которой выражало ужас и изумление. Неужели ее дочь сумела вызвать в мужчине столь сильное чувство? Плохое настроение Элис только усугублялось тем, что к их возвращению она не успела привести себя в порядок. – Мы даже не знаем его. – Она говорила так, словно Эдварда в комнате не было.

– Я сообщу вам все, что пожелаете узнать, миссис Леонард, – проговорил Эдвард, вытянув перед собой длинные ноги в испачканных брюках.

Джой оглядывала его, ошеломленная счастьем обладания. Остаток пути она провела в состоянии шока, чуть не истерически смеясь над безумием совершенного ими поступка. Она его не знает! Он не знает ее! И тем не менее, неловко держась за руки, они заговорщицки улыбались друг другу. И так вышло, что она по своей воле отдала свою жизнь в его руки. Она не ожидала найти кого-то. Даже не собиралась искать. Но он, казалось, знает, что делает, и знает лучше ее, что правильно, а что нет. И похоже, нисколько не обеспокоен тем, как предстанет со своим умопомешательством перед ее родителями.

Эдвард перевел дух и быстро заговорил:

– Мой отец – судья в отставке, они с матерью переехали в Ирландию, где разводят лошадей. У меня есть брат и сестра, оба старше меня и оба состоят в браке. Мне двадцать девять лет, служу на флоте уже почти восемь лет после окончания университета. Помимо морского жалованья, у меня есть доверительная собственность.

Легкое сморщивание материнского носа при упоминании Ирландии уравновесилось словами «доверительная собственность». Однако Джой пристально вглядывалась в лицо отца, в надежде заметить признаки одобрения.

– Это так неожиданно. Не понимаю, почему бы вам не подождать.

– Вы полагаете, что любите ее?

Отец, откинувшись в кресле, с джином и тоником в руке, внимательно посмотрел на Эдварда. Джой покраснела. Эти произнесенные вслух слова показались ей почти непристойными.

Эдвард посмотрел на нее долгим взглядом, потом взял за руку, заставив снова покраснеть. Ни один мужчина не прикасался к ней в присутствии родителей.

– Не знаю, может ли пока каждый из нас назвать это любовью, – медленно произнес он, обращаясь в основном к Джой, – но я не такой уж молодой и глупый. Я был знаком со многими девушками и точно знаю, что Джой – не такая, как все.

– Можете повторить это? – сказала мать.

– Могу сказать лишь, что, пожалуй, смогу сделать ее счастливой. Будь у меня больше времени, я бы сумел успокоить вас. Но дело в том, что мы совсем скоро отплываем.

Джой не приходило в голову усомниться в силе его чувства. Она лишь испытывала жгучую радость оттого, что это чувство не уступает ее собственному. Ошеломленная тем, что ее назвали исключительной в хорошем смысле, она не сразу почувствовала, что у него вспотела рука.

– Слишком поспешно, Грэм. Скажи им. Они совсем не знают друг друга.

Джой заметила, как возбужденно блестят глаза матери. «Она завидует, – подумала вдруг Джой. – Завидует, потому что разочарована собственной жизнью, и ей невыносима мысль, что кто-то собирается вырвать меня из моей».

Словно пытаясь что-то постичь, отец продолжал разглядывать Эдварда.
Тот выдержал его взгляд.

– Да, в наше время все происходит быстро, – сказал Грэм, сделав знак Бей Лин принести еще напитков. – Ты же помнишь, как это было в войну, Элис.

Джой с трудом подавила дрожь восхищения. Сжав руку Эдварда, она ощутила легкое ответное пожатие.

Отец осушил стакан, делая вид, будто на минуту поглощен чем-то за окном.

– Итак, допустим, я скажу «да», молодой человек. Что вы намерены предпринять в ближайшие полутора суток?

– Мы хотим пожениться, – затаив дыхание, произнесла Джой.

Она подумала, что теперь может говорить, раз зашел разговор о сроках. Отец как будто не слышал ее. Он разговаривал с Эдвардом.

– Я прислушаюсь к вашим пожеланиям, сэр.

– В таком случае я вас благословляю. На помолвку.

Сердце Джой подпрыгнуло и замерло.

– Можете пожениться, когда получите следующий отпуск на берегу.

В комнате повисла напряженная тишина. Джой, стараясь не поддаться разочарованию, смутно различала за дверью шаркающие шаги Бей Лин, которая метнулась на кухню сообщить новость поварихе. Мать переводила взгляд

с дочери на отца. Что подумают люди?

– Если у вас серьезные намерения в отношении друг друга, вам не трудно будет подождать. Можете купить кольца, сделать объявление, а поженитесь позже. – Отец тяжело опустил стакан на лакированный столик, словно сообщая решение суда.

Повернувшись, Джой посмотрела на Эдварда, а тот медленно и глубоко выдохнул.

«Пожалуйста, не соглашайся с ним, – умоляла она про себя. – Скажи, что хочешь жениться прямо сейчас. Возьми меня с собой на твой большой серый корабль».

Но Эдвард промолчал.

Пристально глядя на него, Джой испытала первое разочарование, первое смутное и горькое осознание того, что человек, на которого она возлагала большие надежды и которому доверилась, может оказаться не таким, как она полагала.

– Когда это произойдет? – спросила она, пытаясь унять дрожь в голосе. – Когда вы рассчитываете сойти на берег?

– Следующая стоянка будет в Нью-Йорке, – произнес Эдвард немного извиняющимся тоном, – но должно пройти около девяти месяцев. Может быть, даже год.

Джой, выпрямившись, бросила взгляд на мать. Та уже перевела дух и чуть улыбалась снисходительно, словно говоря: «Ах эти молодые люди. Им может казаться, что они влюблены, но посмотрим, что будет через полгода». Джой с тоской поняла, что Элис хочет доказать свою правоту. Она ищет подтверждения того, что настоящей любви не существует и каждый в конечном итоге приходит к жалкому браку, как у нее. Если родители и думают, что это охладит ее пыл, они ошибаются.

– Тогда увидимся через девять месяцев, – сказала Джой, глядя в голубые глаза новоявленного жениха с той уверенностью, которую в тот момент испытывала. –

Только… пишите мне.

Открылась дверь.

– Боже, храни королеву! – промолвила Бей Лин, входя с подносом напитков.

Глава 1

Октябрь 1997 года

Сразу за рыбной таможней стеклоочистители в машине Кейт наконец замерли, а потом покорно соскользнули к капоту – в тот самый момент, когда сильный дождь перешел в ливень.

– Ах, черт побери! – воскликнула она, сворачивая в сторону и щелкая переключателем на приборной доске. – Ничего не видно. Милая, если я съеду на следующую площадку, ты сможешь высунуть руку и протереть ветровое стекло?

Сабина подтянула колени к груди и сердито посмотрела на мать:

– В этом нет никакого смысла. Можно с тем же успехом остановиться.

Кейт остановила машину, опустила боковое окно и попыталась протереть свою половину ветрового стекла концом бархатного шарфика.

– Нам нельзя останавливаться. Мы же опаздываем. Ты не можешь пропустить паром.

Мать была в целом мягким человеком, но, уловив эту стальную нотку в ее голосе, Сабина поняла, что только цунами может помешать ей сесть на паром. И это не было чем-то неожиданным – за последние три недели она много раз слышала эту нотку. Столкнувшись с еще одним подтверждением собственной беспомощности перед матерью, Сабина обиженно выпятила нижнюю губу

и в молчаливом негодовании отвернулась.

Кейт, тонко чувствуя переменчивые настроения дочери, отвела взгляд.

– Знаешь, если бы ты не настраивала себя на негативное отношение, то могла бы хорошо провести время.

– Как я могу хорошо провести время? Посылаешь меня в дом, где я была дважды за всю жизнь, погостить в городе на болоте у бабушки, которую ты так любишь, что не виделась с ней несколько лет, блин! Чтобы я стала кем-то вроде прислуги при дедушке, который скоро даст дуба. Здорово! Ну и каникулы. Всю жизнь мечтала.

– Ой, смотри! Снова заработали. Попробуем добраться до порта. – Кейт вывернула руль, и обшарпанный «фольксваген» выехал на мокрую дорогу, веером разбрызгивая по сторонам грязную воду. – Послушай, нам неизвестно, что твой дед настолько болен, очевидно, он просто ослаб. И я считаю, тебе полезно на время уехать из Лондона. Ты почти не встречалась с бабулей, и пока она совсем не состарилась, или ты не уехала в путешествие, или что-то еще, вам не помешает немного пообщаться.

Сабина, отвернувшись, смотрела в боковое окно.

– Бабуля. Ну прямо как в игре «Счастливые семьи».

– И я знаю, она будет очень благодарна за помощь.

Сабина так и не повернулась. Она отлично знала, почему ее отправляют в Ирландию, и мать тоже это знала, но если уж она такая лицемерка и не может этого признать, то пусть не ожидает, что Сабина будет с ней откровенна.

– Левый ряд, – не поворачиваясь, сказала она.

– Что?

– Левый ряд. Чтобы попасть на паромный терминал, надо ехать в левом ряду. О господи, мама, почему ты не носишь эти чертовы очки?

Кейт повернула в левый ряд, игнорируя протестующие сигналы за спиной, и, следуя ворчливым наставлениям Сабины, поехала к указателю «Пешие пассажиры». Найдя унылую парковку, она остановилась перед безликим серым зданием. Почему офисы иногда так удручающе выглядят, рассеянно подумала она. Когда машина и стеклоочистители остановились, из-за дождя здание начало быстро заволакиваться словно дымкой, и все вокруг превратилось в импрессионистский пейзаж.

Кейт, для которой без очков большинство предметов сливались в импрессионистскую дымку, смотрела на силуэт дочери, пожалев вдруг, что у них не будет теплого прощания, как это бывает у других матерей и дочерей. Ей хотелось сказать Сабине, насколько мучителен для нее уход Джеффа и как ей жаль, что дочь уже в третий раз наблюдает семейные разлады. Кейт хотела сказать Сабине, что посылает ее в Ирландию, чтобы оградить от горьких сцен, которые они с Джеффом и не пытались скрыть теперь, когда подходили к концу их шестилетние отношения. Еще ей хотелось сказать, что у Сабины есть и бабушка, а не только мать.

Но Сабина обычно не давала ей ничего сказать, ощетинившись колючками, как мрачный маленький дикобраз. Если Кейт говорила дочери, что любит ее, то ее называли персонажем из «Домика в прерии». Если же она пыталась обнять Сабину, то та уклонялась. «Как это получилось? – без конца спрашивала себя Кейт. – Я была так уверена, что наши отношения сложатся иначе, что у тебя будет свобода, которой я была лишена. Что мы станем друзьями. Как вышло, что ты начала меня презирать?»

Кейт научилась скрывать от дочери свои чувства. Сабина терпеть не могла, когда мать о чем-то просила, а если становилась излишне эмоциональной, это раздражало ее еще больше. Поэтому Кейт просто достала из сумки билет и щедрую, на ее взгляд, сумму денег и вручила дочери.

– Так вот, плавание займет около трех часов. Похоже, будет немного штормить, но, боюсь, у меня нет ничего от морской болезни. Прибудешь в Росслер примерно в полпятого, и бабушка встретит тебя около справочного бюро. Не хочешь, чтобы я написала записку?

– Думаю, я смогу запомнить «справочное бюро», – сухо произнесла Сабина.

– Что ж, если все-таки что-то пойдет не так, то на корешке билета найдешь телефонные номера. И позвони мне, когда приедешь, чтобы я знала.

Знала, что путь свободен, с горечью подумала Сабина. Мать действительно считает ее глупой. Действительно думает, будто Сабина не понимает, что происходит. За последние несколько недель столько раз ей хотелось накричать на мать: «Я знаю, что ты знаешь. Знаю, почему вы с Джеффом расходитесь. Знаю про тебя и этого проклятого Джастина Стюартсона. И вот зачем ты отсылаешь меня прочь на несколько недель – чтобы мы с Джеффом не мешали твоим шашням».

Но почему-то, несмотря на весь ее гнев, до этого не доходило. Потому, наверное, что мать казалась такой печальной, такой поникшей и несчастной. Но все же напрасно Кейт рассчитывала, что Сабина уедет молча.

Они уже несколько минут сидели в машине. Временами дождь утихал, и тогда они видели перед собой очертания унылого терминала, но потом он вновь припускал, превращая картинку в размытую акварель.

– Так к моему возвращению Джефф уже уйдет?

Говоря это, Сабина вздернула подбородок, и ее слова прозвучали скорее вызывающе, чем вопросительно.

Кейт посмотрела на нее.

– Возможно, – медленно проговорила она. – Но ты по-прежнему сможешь видеться с ним, когда захочешь.

– Так же, как я в любое время могла видеться с Джимом.

– Тогда ты была совсем маленькая, дорогая. И все усложнилось, потому что у Джима появилась новая семья.

– Нет, все усложнилось, потому что у меня появлялся один чертов отчим за другим.

Кейт дотронулась до плеча дочери. Почему никто не скажет, что роды не такая уж большая мука?

– Пойду, пожалуй, – пробубнила Сабина, открывая дверь машины. – Не хочу опоздать на паром.

– Дай провожу тебя до терминала, – сказала Кейт, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы.

– Не беспокойся, – ответила Сабина, хлопнув дверью и оставив Кейт в одиночестве.

В море довольно сильно штормило. Дети с визгом проносились взад-вперед по ковровой дорожке на подносах из кафетерия, а их родители скользили из стороны в сторону по пластиковым скамьям, попивая напитки из банок и время от времени разражаясь приступами громкого смеха. Другие, пошатываясь, толпились в кафетерии в очереди за дорогими чипсами, игнорируя сохнущие под пищевой пленкой салаты, или играли на автоматах, с которых неслись резкие нестройные звуки. Судя по количеству семей и почти полному отсутствию нетрезвых, воскресные морские путешествия были популярны среди туристов.

Сабина села у окна, отгородившись от раздражающей публики стереоплеером. Это были люди, похожие на тех, что она видела на придорожных станциях техобслуживания или в супермаркетах. Люди, которых не особенно беспокоила их одежда и прически или их манера сидеть и разговаривать. Вот такой она увидит Ирландию, мрачно сказала она себе, слушая басовое звучание компакт-диска. Отсталая. Бескультурная. Совсем не крутое место.

В тысячный раз Сабина проклинала мать за эту ссылку, за то, что ее оторвали от друзей, от дома, от привычной жизни. Это будет настоящий кошмар. У нее нет ничего общего с этими людьми, бабка с дедом для нее в сущности незнакомцы. Она оставила Дина Бакстера на растерзание Аманде Галлахер как раз в тот момент, когда думала, что у нее с ним что-то получится. Хуже всего, что у Сабины нет с собой даже мобильника и компьютера для связи. Пришлось признать, что компьютер великоват для перевозки. К тому же мать сказала, что не собирается оплачивать международные звонки с ее телефона, на котором

и так долг. Типа «ты зря на это рассчитываешь». Зачем она так сказала? Скажи она матери, что рассчитывает на это, и та завела бы разговор о том, что следовало отдать ее в частную школу.

Итак, Сабину не просто отправили в ссылку, но и оставили без мобильника и электронки. Однако, мрачно вглядываясь в пенящееся Ирландское море, Сабина все же радовалась тому, что ей не придется испытать на себе нескончаемое напряжение от медленного и болезненного разматывания матерью и Джеффом опутавшей их домашней паутины.

Она раньше Джеффа догадывалась, что это должно произойти. Догадывалась с того вечера, когда, спускаясь из своей комнаты, услышала, как мать шепчет в телефон: «Знаю. Я тоже хочу тебя видеть. Но понимаешь, он сейчас просто невыносим. А я не хочу все усугублять».

Сабина замерла на ступенях, потом громко кашлянула. Мать с виноватым видом резко положила трубку, а когда дочь вошла в гостиную, чересчур оживленно произнесла: «Ах, это ты, милая! Я не слышала тебя наверху! Как раз думала, что приготовить на ужин».

Обычно мать не готовила ужин. Она была та еще стряпуха. Эту обязанность выполнял Джефф.

А потом она увидела его. Джастина Стюартсона. Фотограф из национальной газеты левого толка. Человек, самомнение которого не позволяло ему ездить на обшарпанной машине матери, и он пользовался подземкой. И еще он с важностью носил кожаный пиджак, модный лет пять назад, и брюки цвета хаки с замшевыми сапогами. Уж как он старался разговорить Сабину, отпуская замечания по поводу музыкантов андеграунда, которых она могла знать, пытаясь цинично и со знанием дела говорить о музыкальном бизнесе. Она тогда бросила на него, как ей казалось, испепеляющий взгляд. Сабина знала, зачем Джастин пытается завоевать ее доверие, но этот номер не пройдет. Мужчины за тридцать пять не могут быть крутыми, даже если думают, что понимают в музыке.

Бедный старый Джефф. Бедный старомодный Джефф. Он сидел дома по вечерам и, нахмурившись, занимался пациентами, которых никак не удавалось принудительно отправить в психушку. Стараясь не допустить, чтобы еще

несколько психов окончили жизнь на улице, он обзванивал все психиатрические клиники Центрального Лондона. Чертовски трудное занятие. А мать с рассеянным видом входила и выходила, делая вид, что это ее волнует, вплоть до того дня, когда Сабина спустилась вниз и стало очевидно, что Джефф все знает, потому что он бросил на нее долгий вопрошающий взгляд, как бы говорящий: «Ты знала? И ты, Брут?» Джеффа, как психиатра, одурачить было трудно, и, встретив его взгляд, Сабина постаралась выразить сочувствие и осуждение жалкого поведения матери.

Никто из них не узнал, как горько она рыдала. Джефф немного раздражал, был чересчур серьезным, и Сабина никогда не думала о нем как об отце. Но он был добрый, хорошо готовил, и при нем мама была вменяемой. К тому же он жил в семье с ее детства. По сути дела, дольше любого другого. А вот при одной мысли о том, что мама с Джастином Стюартсоном занимаются этим, ее начинало тошнить.

В полпятого объявили, что до Росслера остается несколько минут хода. Сабина встала со своего места и пошла к высадке пеших пассажиров, стараясь не обращать внимания на небольшое волнение. До сих пор она лишь раз путешествовала одна, во время той злополучной поездки в Испанию к Джиму, предыдущему партнеру матери. Он хотел уверить Сабину, что она по-прежнему часть его семьи. Мать хотела уверить ее, что у нее по-прежнему есть, так сказать, отец. А стюардесса на борту «Бритиш эруэйз» старалась уверить ее, что она очень большая девочка, раз путешествует одна. Но с того самого момента, когда Джим встретил Сабину в аэропорту со своей новой беременной подружкой, которая шла за ним, настороженно поглядывая, Сабина знала, что ничего хорошего из этого не выйдет. Потом она еще только раз виделась с Джимом, который пытался привлечь ее к общению с младенцем.
По выражению лица подружки можно было понять, что она совсем не хочет привлекать Сабину. Сабина не обижалась на нее. В конце концов, этот младенец не был кровным родственником, и ей не хотелось, чтобы в доме крутился какой-то ребенок предыдущего партнера.

Двери распахнулись, и Сабина оказалась на движущейся ленте, вокруг которой были толпы переговаривающихся людей. Она собралась снова надеть наушники, но побоялась пропустить какое-нибудь важное объявление. Меньше всего ей хотелось позвонить матери и сказать, что она потерялась.

Сабина огляделась по сторонам, пытаясь представить себе, как выглядит ее бабушка. Последняя ее фотография была снята больше десяти лет назад, когда Сабина прошлый раз гостила в ирландском доме. У нее сохранились лишь смутные воспоминания, но на снимке была красивая темноволосая женщина с высокими скулами, со сдержанной улыбкой смотрящая на Сабину, которая поглаживала маленького серого пони.

«А что, если я ее не узнаю? – с тревогой думала Сабина. – Обидится ли она?»

Открытки бабушки на дни рождения и Рождество всегда были короткими и формальными, без каких-либо намеков на чувство юмора. Из скупых слов матери можно было понять, что ошибиться очень легко.

Потом Сабина заметила какого-то мужчину, который стоял, прислонившись к стойке информации, и высоко держал кусок картона со словом «Сабина». Он был среднего роста, жилистый, с густыми, темными и коротко остриженными волосами. Вероятно, одного возраста с матерью. И еще Сабина заметила, что у него только одна рука. Другая заканчивалась пластиковой кистью с полусогнутыми пальцами, какие бывают у магазинных манекенов.

Сабина непроизвольно поднесла руку к волосам, поправляя их, потом подошла, стараясь изобразить беззаботность.

– А ты изменилась, бабушка.

Пока она подходила, он недоуменно смотрел на нее, размышляя, та ли это девушка. Потом улыбнулся и протянул ей здоровую руку:

– Сабина, я Том. Ты старше, чем я думал. Твоя бабушка сказала, что тебе… – Он покачал головой. – Понимаешь, она не приехала, потому что к Герцогу пригласили ветеринара. Я тебя отвезу.

– Герцогу? – переспросила Сабина.

У него мелодичный ирландский акцент, какой бывает только в телесериалах, мимоходом подумала она. У бабушки совсем не было акцента. Сабина старалась не смотреть на пластиковую руку, воскового цвета и какую-то неживую.

– Старый конь. Ее любимец. У него больная нога. И твоя бабушка не любит, чтобы за ним ухаживал кто-нибудь другой. Но она сказала, что вы увидитесь в доме.

Значит, бабушка, которую она не видела почти десять лет, вместо того чтобы встретить ее, предпочла остаться и ухаживать за какой-то паршивой лошадью. Сабина почувствовала, как у нее на глаза наворачиваются непрошеные слезы. Что ж, этого достаточно, чтобы понять отношение к ее визиту.

– Она души в нем не чает, – осторожно произнес Том, беря у Сабины сумку. – Я бы не стал придавать этому значение. Уверяю, она с нетерпением ждет твоего приезда.

– Что-то непохоже. – Сабина метнула взгляд на Тома, а не посчитает ли он ее обидчивой.

Она ненадолго приободрилась, когда они вышли на парковку. Не из-за машины – огромного обшарпанного «лендровера», хотя он был, конечно, круче маминого авто, – но из-за груза: двух громадных шоколадных лабрадоров, шелковистых и изгибистых, как тюлени. Бурно приветствуя людей, собаки радостно повизгивали.

– Белла и Берти. Мать и сын. Давай перелезай назад, глупая псина.

– Берти?

Сабина скривилась, не переставая поглаживать две чудные головы и уклоняясь от влажных носов, которые тыкались ей в лицо.

– Они все на «Б», сверху донизу. Как и гончие, только те все на «Х».

Сабине не хотелось спрашивать, о чем он говорит. Она села на переднее сиденье и пристегнула ремень. С некоторой тревогой она спрашивала себя, как Том собирается вести машину без одной руки.

Как оказалось, необычным образом. Пока они неслись по серым улицам Росслера, а потом выехали по главной улице к парку Кеннеди, Сабина пришла

к выводу: дело не в том, что Том неуверенно держит рычаг переключения. Его рука неплотно держала рычаг, постукивая о пластмассовую головку, когда машина подпрыгивала на ухабах.

Сабина подумала, что эта дорога домой мало что обещает. На мокрых узких улочках портового городка не видно было магазинов, по которым ей захотелось бы пройтись. Как она успела заметить, они были забиты в основном старомодным нижним бельем для старух или автодеталями. Вдоль улиц шли живые изгороди, за ними стояли современные коттеджи, некоторые со спутниковыми тарелками, напоминающими плесень, растущую из кирпичей. Место это мало напоминало типичный пригород. Там был парк, названный в честь покойного президента, но Сабина считала, что в ней вряд ли проснется тяга к зеленым насаждениям.

– И чем же можно заняться в Уэксфорде? – спросила она Тома, и тот на миг повернулся к ней и рассмеялся.

– Нашей столичной девочке уже скучно, да? – дружелюбно спросил он, и она совсем не обиделась. – Не беспокойся. Когда будешь уезжать отсюда, спросишь себя, чем же можно заниматься в городе.

В это как-то не верилось.

Чтобы отвлечься, Сабина стала думать о руке Тома, лежавшей сейчас на ручном тормозе рядом с ней. Ей не доводилось раньше встречать человека с протезом конечности. Прикрепляет ли он ее каким-то клеем? Снимает ли на ночь? Кладет ли в стакан с водой, как соседка Маргарет свою вставную челюсть? А всякие практические дела – как он надевает брюки? Однажды Сабина сломала руку, и оказалось, что она не может одной рукой застегивать молнию на брюках. Приходилось просить маму помочь. Сабина поймала себя на том, что украдкой бросила взгляд на его ширинку – а нет ли там «липучки», – но потом быстро опустила глаза. Том может подумать, что она с ним заигрывает, и хотя он симпатичный, у нее нет намерения поиграть с «одноруким бандитом».

Том заговорил с ней только еще раз, спросив о матери.

Сабина с удивлением посмотрела на него:

– Откуда вы ее знаете? Вы, должно быть, живете здесь очень давно.

– Не совсем. Жил здесь в юности. А потом уехал работать в Англию через пару лет после нее.

– Она никогда о вас не упоминала.

Произнеся эти слова, Сабина поняла, как грубо они прозвучали, но Том, казалось, не обиделся. Она заметила, что он ответил не сразу, а чуть помедлив, словно взвешивая слова.

– Не знаю, насколько хорошо она меня помнит. Я работал на дворе, а она никогда особо не увлекалась лошадьми.

Сабина уставилась на него, обуреваемая желанием задать и другие вопросы. Как-то странно было представить мать в этих краях, в компании однорукого конюха. Для нее Кейт вписывалась только в городское окружение – в их дом в Хакни, с его ничем не покрытыми полами, комнатными растениями в подставках и артхаусными постерами, заявляющими об их либеральных ценностях среднего класса. Или ее можно было встретить в экзотических кафе на Кингсленд-роуд за увлеченными беседами со вспыльчивыми подругами, увешанными длинными серьгами, и она старалась отсрочить тот противный момент, когда ей придется вернуться к написанию статьи. Или она приходила домой в восторге от только что увиденного претенциозного фильма, тогда как реалист Джефф ругал его за отклонение от традиционных художественных приемов немецкой школы. Или что-то в этом роде.

При мысли о Джеффе у Сабины сжалось сердце, и она опять разволновалась. А напишет ли он ей, на миг подумала она. Понимая, что он расстается с матерью, Сабина испытывала неловкость. Она не знала, как теперь вести себя с ним. Возможно, Джефф скоро найдет новую подружку, как Джим, потом Джастин Стюартсон бросит маму, и та впадет в уныние, спрашивая, почему мужчины такие сволочи. Что ж, Сабина не станет ей сочувствовать. И ни за что не согласится поехать на каникулы с Джеффом, если тот обзаведется новой семьей. Это точно.

– Вот мы и приехали, – сказал Том.

Сабина не помнила, каков дом снаружи, только то, что он большой. Но с детства помнила его внутри: повсюду лестницы из темного дерева и бесконечные коридоры, запахи горящих дров и воска, и лисьи мордочки. Она помнила эти лисьи морды, развешенные в соответствии с датой кончины каждого зверя, выступающие из маленьких щитов и бессильно скалящие со стен свои зубы. Сабине тогда было шесть лет, и они приводили ее в ужас. По нескольку минут она сидела скорчившись на ступенях и ожидая, что проходящий мимо человек поможет ей скрыться от чудовища. Из дворовой жизни она помнила лишь грустного ослика, который непрерывно кричал, стоило уйти с его поля, и ей приходилось оставаться. Мама и Джим думали, что она в него влюблена, и говорили всем, какой ослик милый. Сабина не могла объяснить, что ослик шантажирует ее, и радовалась, когда кто-то заставлял ее вернуться в дом.

Теперь она заметила обветшалый фасад дома, высокие георгианские окна с облупившейся краской, растрескавшиеся и покосившиеся подоконники, зияющие, как беззубые рты. Когда-то это был, очевидно, великолепный дом – самый роскошный из тех, что она видела. Но теперь он, сильно постарев, стал похож на человека, который перестал заботиться о себе и лишь ждет предлога удалиться. «Мы с ним в чем-то похожи», – с сочувствием подумала Сабина.

– Надеюсь, ты привезла с собой шерстяные вещи, – почти не разжимая губ, сказал Том и поднял ее сумку на ступени. – Тут ужасно сыро.

Он позвонил, через несколько минут дверь открылась, и перед Сабиной предстала высокая женщина в брюках из твида и резиновых сапогах, которая счищала с кардигана клочки сена. Черты ее лица говорили сами за себя – она была стара, но отличалась стройной фигурой. Женщина протянула Сабине руку, и пальцы ее неожиданно оказались широкими и толстыми, как сардельки.

– Сабина, – с улыбкой произнесла она и, чуть помедлив, протянула другую руку, словно ожидая объятия. – Извини, что не встретила тебя на пристани. День выдался такой суматошный.

Сабина не знала, подойти к ней или нет.

– Привет, – буркнула она, не в силах вымолвить «бабушка». Потом смущенно затеребила волосы, не зная, куда девать руки. – Рада… рада видеть тебя.

Бабушка отвела руки, продолжая стоять с немного натянутой улыбкой.

– Да-да… Путешествие прошло хорошо? На этом пароме бывает ужасно. Сама с трудом выдерживаю.

– Было нормально. – Сабина услышала, как собственный голос переходит в шепот. Она чувствовала за спиной присутствие Тома, который прислушивался к этому нелепому разговору. – Немного штормило. Но ничего страшного. – (Наступила долгая пауза.) – Конь в порядке?

– Нет, не совсем. Бедняга! Но мы дали ему лекарство, чтобы ночью лучше спал. Привет, Белла, девочка моя, привет, привет. Да, знаю, Белла, ты очень хорошая девочка. Эй, Берти, не смей ходить наверх.

Старая женщина наклонилась и погладила блестящую шкуру собаки, потом повернулась и вошла в прихожую. Том жестом пригласил Сабину войти и, бросив сумку на ступени, отсалютовал и проворно спустился по лестнице.

У Сабины возникло детское желание попросить его остаться, и она замерла на месте. С возмущением она подумала, что бабушка не поблагодарила Тома за то, что встретил ее внучку. Даже не представила его. Ростки обиды, проклюнувшиеся в душе Сабины утром при отъезде из Лондона, постепенно набирали силу. Медленно войдя в прихожую, она закрыла за собой массивную дверь.

На нее сразу же обрушились запахи и звуки, пробудившие детские воспоминания. Мастика для пола. Старые ткани. Клацанье собачьих когтей по плиточному полу. Где-то за бабушкой, энергично вышагивающей по коридору, Сабина различала важное тиканье дедушкиных часов, такое же размеренное, как десять лет назад, во время ее последнего визита. Правда, теперь рост позволял ей видеть поверх столов – все эти фигурки бронзовых лошадей, стоящих или замерших в прыжке над бронзовыми изгородями. На стенах висели написанные маслом картины с изображением лошадей, с указанными именами – Моряк, Ведьмин Каприз, Большая Медведица, словно это были портреты полузабытых членов семьи. Они почему-то подействовали на Сабину успокаивающе. «Тогда ты не нервничала, – сказала она себе. – Подумай, это же твоя бабушка. И возможно, она беспокоится, как бы лучше устроить свою внучку».

Но казалось, бабушка хорошо умеет это скрывать.

– Мы поместим тебя в голубую комнату, – сказала она наверху, указывая на комнату в дальнем конце площадки. – Отопление не слишком хорошее, но у меня есть миссис Х., которая будет разжигать камин. И тебе придется пользоваться нижней ванной, потому что здесь нет горячей воды. Я не смогла дать тебе комнату получше, поскольку в ней живет твой дедушка. А на стенах в нижней комнате есть плесень.

Стараясь сдержать дрожь в холодной запущенности комнаты, Сабина огляделась по сторонам. Это был какой-то любопытный гибрид 1950-х и 1970-х годов. Голубые обои в стиле шинуазри в какой-то степени сочетались с бирюзовым грубошерстным ковром. Шторы, обшитые золотой парчой, были великоваты для этого окна. В углу стоял допотопный умывальник на чугунных ножках, а ближе к камину висело тонкое зеленоватое полотенце. Над каминной доской помещалась акварель, изображающая лошадь с тележкой, а на другой стене у кровати висел неумелый портрет молодой женщины, возможно матери Сабины. Девочка то и дело оглядывалась на дверь, сознавая молчаливое присутствие деда в одной из комнат неподалеку.

– В шкафу висит несколько вещей, но там найдется достаточно места для твоей одежды. Это все, что ты привезла?

Бабушка опустила глаза на ее сумку, а потом огляделась по сторонам, словно ожидая увидеть что-то еще.

Сабина не ответила.

– У вас есть компьютер?

– Что-что?

– У вас есть компьютер?

Спрашивая, она уже знала ответ. Можно было догадаться по виду этой комнаты.

– Компьютер? Нет, здесь нет компьютеров. А зачем тебе компьютер? – Голос бабушки был отрывистым, непонимающим.

– Для электронной почты. Чтобы держать связь с домом.

Бабушка, казалось, не услышала ее.

– Нет, – повторила она. – У нас тут нет никаких компьютеров. Теперь можешь распаковать вещи, а потом мы выпьем чая, после чего ты заглянешь к дедушке.

– Здесь есть телевизор?

Бабушка внимательно посмотрела на нее:

– Да, телевизор есть. Сейчас стоит в комнате у деда, потому что он любит смотреть поздние новости. Думаю, иногда сможешь брать его.

Они не успели еще войти в гостиную, а на Сабину уже навалилась депрессия. Даже появление миссис Х., низенькой, пухлой и вкусно пахнущей домашним хлебом и ячменными лепешками, не улучшило ее настроения, несмотря даже на дружеские расспросы о плавании по Ирландскому морю и здоровье матери. Избавления не было. Том оказался здесь самым молодым, а ему было столько же лет, сколько и ее матери. Не было телевизора и компьютера, и Сабина еще не выяснила, где телефон. И, пока ее нет дома, Аманда Галлахер похитит у нее Дина Бакстера. Все это сущий ад.

За чаем в гостиной бабушка казалась чем-то обеспокоенной. Она окидывала комнату невидящим взором, словно пытаясь решить какую-то проблему. Время от времени она неуклюже поднималась со стула, быстро шла к двери и выкрикивала какие-то приказания миссис Х. или кому-то другому, поэтому Сабина решила, что бабушка не привыкла к долгим чаепитиям и тяготится необходимостью сидеть здесь с внучкой. Она не спросила о матери Сабины. Ни разу.

– Тебе надо сходить к лошади? – чтобы дать им обеим предлог уйти, спросила наконец Сабина.

Бабушка с облегчением посмотрела на нее:

– Да-да, ты права. Надо посмотреть, как там мой мальчик. – Она встала, стряхивая с брюк крошки, и к ней немедленно подскочили собаки. Подойдя к двери, бабушка обернулась: – Хочешь увидеть конюшни?

Сабине страшно хотелось уйти, чтобы в одиночестве упиваться растущей тоской, но она понимала, что это невежливо.

– Ну ладно, – недовольно произнесла она.

Тоска по Дину Бакстеру может подождать еще полчаса.

Ослика давно не было. «Ах он бедняжка», – обронила бабушка. Но в остальном во дворе все осталось по-прежнему. Там определенно было веселее, чем в доме. По проходу между стойлами ходили согнувшись двое худощавых мужчин со швабрами и грохочущими ведрами. Они раскладывали сено по прямоугольным отсекам, из которых доносились звуки царапающих цементный пол копыт или глухие удары в деревянные перегородки. Из стоящего на перевернутом ведре плоского транзистора неслись какие-то мелодии. Глядя на все это, Сабина смутно припомнила, как ее подняли к одной из дверец и она завизжала в упоительном ужасе, когда к ней из темноты приблизилась огромная вытянутая морда.

– Полагаю, сегодня ты устала и не захочешь ездить верхом, но я заказала тебе из Нью-Росса опрятного меринка. Будешь на нем ездить.

У Сабины отвисла челюсть. Ездить верхом?

– Я уже давно не езжу верхом, – запинаясь, произнесла она. – С самого детства. То есть… мама не говорила мне…

– Ладно, потом поищем в кладовке. Какой у тебя размер обуви? Четвертый? Пятый? Могут подойти старые сапоги твоей матери.

– Прошло уже пять лет. Я перестала ездить.

– Да, ездить в Лондоне – настоящая скукотища, так ведь? Однажды я была в конюшне в Гайд-парке. Чтобы добраться до травы, пришлось перейти шоссе.

Бабушка широкими шагами пересекла двор, чтобы отругать одного из помощников за то, как он сложил солому.

– Но мне не особенно хочется.

Бабушка не слышала ее. Взяв швабру у одного из мужчин и резко взмахивая ею, она стала показывать ему, как надо подметать.

– Послушай, я… Мне не так уж нравится верховая езда.

Тонкий, высокий голос Сабины прорезался сквозь шум, и все посмотрели на нее. Бабушка остановилась как вкопанная и медленно повернулась к Сабине:

– Что?

– Мне не нравится. Верховая езда. Я как-то переросла ее.

Работники переглянулись, и один глупо ухмыльнулся. Сказать такое в Уэксфорде было, вероятно, равнозначно признанию: «Я убиваю младенцев» или «Я ношу трусы наизнанку, чтобы сэкономить на стирке». Проклиная себя за это, Сабина почувствовала, что краснеет.

Бабушка с минуту безучастно смотрела на нее, потом повернулась в сторону конюшни.

– Не глупи, – пробормотала она. – Ужин ровно в восемь. С нами будет твой дед, так что не опаздывай.

Сабина в одиночестве без малого час прорыдала в своей сырой, отдаленной комнате. Она ругала проклятую мамашу, отправившую ее в это дурацкое место, проклинала чопорную, неприветливую бабку вместе с ее глупыми чертовыми лошадьми, проклинала Тома – ведь он заставил ее поверить в то, что все не так уж плохо. Она проклинала и Аманду Галлахер, которая – Сабина точно знала –

будет встречаться с Дином Бакстером, пока она здесь страдает. Проклинала также ирландские паромы, которые продолжают ходить в гнусную погоду. Проклинала бирюзовый ковер за его отвратительный вид. Узнай кто-нибудь, что она живет в подобной комнате, ей придется эмигрировать. Навсегда. Потом Сабина села и стала ругать себя за то, что дошла до такого состояния – побагровевшее, пятнистое и сопливое лицо, – вместо того чтобы очаровывать окружающих большими печальными глазами и чистой кожей.

– Вся моя жизнь – адская мура! – запричитала она, потом поплакала еще немножко, потому что слова, сказанные вслух, звучали гораздо жалостней.

Когда Сабина медленно спустилась по лестнице, дед уже сидел за обеденным столом. Она сразу заметила его трость, зажатую между коленями и высовывающуюся из-под стола. Потом, обойдя угол гостиной, Сабина увидела его сутулую спину, неловко привалившуюся к спинке высокого стула. Стол был накрыт на троих, и между ними было свободное пространство сияющего красного дерева. Дед сидел при свете свечи, уставившись в никуда.

– А-а… – медленно произнес он, когда внучка появилась в поле его зрения. – Ты опоздала. Ужин в восемь. Восемь.

Костлявый палец указывал на стенные часы, которые сообщили Сабине, что она опоздала на семь минут. Сабина взглянула на деда, раздумывая, извиниться или нет.

– Ну, садись, садись, – сказал он, опустив руку на колени.

Сабина огляделась по сторонам и села напротив деда. Таких старых людей она еще не видела. Кожа, под которой угадывалась форма черепа, была испещрена морщинами. Над виском пульсировала маленькая жилка, выпячиваясь, как проникший под кожу червяк. Сабина почувствовала, что ей мучительно смотреть на деда.

– Значит… – его голос замер от усилия, – ты юная Сабина?

Ответа не потребовалось. Сабина просто кивнула.

– И сколько тебе лет? – Его вопросы произносились с нисходящей интонацией.

– Шестнадцать, – сказала она.

– Как?

– Мне шестнадцать. Шестнадцать, – повторила она.

Господи, он глух как пень.

– А-а… Шестнадцать. – Он помолчал. – Хорошо.

Из боковой двери появилась бабушка.

– Ты здесь. Принесу суп.

В этих словах «ты здесь» бабушка умудрилась дать Сабине понять, что та опоздала. «Что творится с этими людьми? – с тоской подумала Сабина. – Зачем им планировать все по минутам?»

– Собаки стащили твою тапку, – выкрикнула бабушка из соседней комнаты, но дед, похоже, не расслышал.

После некоторых колебаний Сабина решила не передавать это сообщение. Зачем ей отвечать за результат?

Суп был овощной. Настоящий, не консервированный, с кусочками картофеля и капусты. Сабина съела – хотя дома отказалась бы, – потому что проголодалась в этом холодном жилище. Признаться, суп был довольно вкусный.

Все сидели в молчании, и Сабина решила, что следует проявить дружелюбие, поэтому сказала:

– Суп вкусный.

Дед медленно поднял лицо, с шумом прихлебывая суп из ложки. Она заметила, что белки глаз у него молочно-белые.

– Что?

– Суп, – громче повторила она. – Он очень вкусный.

Минут через девять в холле пробили часы. Послышался судорожный вздох невидимой собаки.

Старик повернулся к жене:

– Она говорит про суп?

– Сабина говорит, он вкусный, – не поднимая глаз, громко подтвердила бабушка.

– Ох-ох! Что это? – спросил он. – Не пойму, что за вкус.

– Картошка.

Сабина поймала себя на том, что прислушивается к тиканью часов в холле. Казалось, тиканье становится громче.

– Картошка? Ты сказала, картошка?

– Верно.

Долгая пауза.

– А в нем нет сладкой кукурузы?

– Нет, дорогой. – Бабушка промокнула рот полотняной салфеткой. – Никакой кукурузы. Миссис Х. знает, что ты не любишь кукурузу.

Дед повернулся к своей тарелке, изучая содержимое.

– Я не люблю кукурузу, – медленно произнес он, обращаясь к Сабине. – Ужасная гадость.

Сабина боролась с истеричным желанием смеяться и плакать одновременно. У нее было ощущение, что она попала в какую-то ужасную второсортную телепрограмму, в которой остановилось время и никто не спасется.

«Надо ехать домой, – сказала она себе. – Мне не вытерпеть здесь и нескольких дней. Я увяну и умру. Они найдут мое окоченевшее тело в комнате с бирюзовым ковром и даже не смогут понять, отчего я умерла – от холода или скуки. Как мне не хватает любимых передач по телику».

– Ты ездишь на охоту?

Сабина подняла глаза на деда, который наконец доел суп.

– Нет, – тихо ответила она.

– Что?

– Нет, я не езжу на охоту.

– Она очень тихо говорит, – громко сказал он жене. – Пусть говорит погромче.

Бабушка, собрав пустые тарелки, дипломатично вышла из комнаты.

– Ты говоришь очень тихо, – заявил дед. – Говори громче. Это невежливо.

– Извини, – вызывающе громко произнесла Сабина.

Глупый старикашка.

– Так с кем ты охотишься?

Сабина огляделась вокруг, захотев вдруг, чтобы вернулась бабушка.

– Ни с кем! – почти выкрикнула она. – Я живу в Хакни, в Лондоне. Там нет охоты.

– Нет охоты?

– Нет!

– О-о-о! – Дед был сильно удивлен. – А где ты ездишь верхом?

О господи, это невозможно!

– Я не езжу. Там негде ездить.

– А где ты держишь лошадь?

– У нее нет лошади, дорогой, – сказала бабушка, входя с большим серебряным подносом, накрытым серебряной крышкой, как это делали, по мнению Сабины, только дворецкие из комедий. – Они с Кэтрин живут в Лондоне.

– О-о-о… Да… Лондон?

«Ах, мама, приезжай и забери меня, – умоляла про себя Сабина. – Прости, что я плохо относилась к тебе, Джеффу и Джастину. Просто приезжай и забери меня. Обещаю, что не буду больше докучать тебе. Заводи себе сколько угодно неподходящих приятелей, и я ничего тебе не скажу. Буду заниматься и останусь на повышенном уровне. Я даже перестану таскать у тебя духи».

– Ну что, Сабина, любишь с кровью или прожаренный?

Бабушка подняла серебряную крышку, и в воздухе разнесся аромат бифштексов, уложенных горкой на блюде в окружении жареного картофеля и плавающих в густом темном соусе.

– Можешь съесть то и другое, дорогая. Я отрежу. Давай, не хочу, чтобы все остыло.

Сабина в ужасе уставилась на нее.

– Мама не сказала тебе, да? – тихо спросила она.

– Сказала – что?

– Что-что? – раздраженно переспросил дед. – О чем вы там? Говорите громче.

Сабина медленно покачала головой, жалея, что приходится видеть напряженное, сердитое выражение бабушкиного лица.

– Я вегетарианка.

Глава 2

Все очень просто. И очевидно. Если гостья принимала ванну в нижней ванной комнате, то должна в течение пяти минут по окончании омовения уничтожить все улики своего пребывания: мокрые полотенца, шампунь, мочалку, даже зубную щетку и пасту. Или же гостья может ожидать, что менее чем через полчаса все это будет свалено на полу у двери ее спальни.

Если гостья хочет позавтракать, то ей надлежит к половине девятого быть внизу, в комнате для завтрака. Не в столовой, разумеется. И не в четверть десятого, когда уже полдня прошло и у миссис Х. есть чем заняться, вместо того чтобы ждать, пока все позавтракают, хотя сама она об этом не скажет. На завтрак подается каша и тост с медом или конфитюром, то и другое в серебряных вазочках. И никакого шоколада, никаких пирогов.

Гостья не жалуется на холод. Следует нормально одеваться, а не бродить по дому почти нагишом и сетовать на сквозняки. То есть надевать толстые свитера и брюки. А если у гостьи мало теплой одежды, то следует сказать об этом, потому что в большом комоде ее навалом. Только невоспитанный человек станет говорить, что эта одежда пахнет плесенью или что на вид она такая, словно ее когда-то носили албанские сироты. Гостье не разрешается ходить по дому в кроссовках, их надо держать чистыми в коробке. Следует найти в кладовке пару высоких резиновых сапог. А если гостья собирается устроить истерику по поводу пауков, то она должна сначала встряхивать вещи.

Есть еще правила, о которых нет нужды напоминать. Например, не пускать собак наверх. Или не оставлять сапоги в гостиной. Или не переключать телевизионные каналы с любимых новостных каналов деда. Не начинать есть до того, как всем принесут еду. Не пользоваться телефоном, предварительно не спросив разрешения. Не греться на кухонной плите. Не принимать ванну вечером и не наливать воду выше шести дюймов.

После недельного пребывания Сабина узнала уйму правил. Казалось, сам дом, как и бабка с дедом, отличается привередливостью и придирчивостью. У себя дома она росла почти без всяких правил. Мать находила удовольствие в том, что позволяла ей самой выстраивать свою жизнь, как бы по методу Монтессори. Поэтому, сталкиваясь с этими бесконечными малопонятными ограничениями, Сабина все больше возмущалась и расстраивалась.

Это продолжалось до тех пор, пока Том не научил Сабину самому важному правилу, которое вернуло в ее жизнь малую толику свободы: никогда не ходи по дому или двору медленней, чем принято в Килкаррионе. При этой энергичной, целеустремленной поступи подбородок вздернут, глаза устремлены вдаль. Идя с правильной скоростью, удается отклонить любые вопросы типа: «Куда ты идешь?», или «Что ты делаешь?», или «Помоги мне вычистить конюшню, привести лошадей, отцепить трейлер, вымыть из шланга собачий сарай» и тому подобное.

– Дело не только в тебе, – объяснил Том. – Она не выносит, когда кто-нибудь бездельничает. Это ее нервирует. Вот почему все мы так делаем.

Поразмыслив, Сабина поняла, что это справедливо. Сабина не видела в доме никого, за исключением деда, кто ходил бы медленно.

Проблема заключалась не только в доме с его запутанными правилами. Сабине удалось лишь однажды поговорить по телефону с матерью, она чувствовала себя оторванной от друзей, от своего привычного мира. В этом окружении Сабина была чужаком, смущавшим ее пожилых родственников, как и они смущали ее. До сих пор она только один раз ездила с бабушкой в гипермаркет ближайшего городка, где, пожелай она, могла бы купить все, что угодно, начиная с плавленого сыра и кончая пластиковой садовой мебелью. Там было все это, а также почта и магазин конской упряжи. Но ни «Макдоналдса», ни кинотеатра, ни пассажа. И никаких журналов. И похоже, не было людей моложе тридцати лет. Поскольку Сабину с внешним миром связывали только

«Дейли телеграф» и «Айриш таймс», она не знала даже, кто был первым в списках популярных дисков.

Бабушка, если и замечала депрессивное настроение внучки, вероятно, решила проигнорировать его, считая одной из издержек подросткового возраста. В начале каждого дня она «организовывала» Сабину, нагружая ее заданиями, например отнести бумаги на псарню или принести для миссис Х. овощи с огорода. И обращалась с ней бабка с той же суровой отстраненностью, как и со всеми окружающими. За исключением собак. И конечно же Герцога.

Эта их стычка была самой серьезной за все время и произошла через два дня после поездки в гипермаркет. Когда Герцога поставили обратно в стойло, Сабина забыла задвинуть нижнюю щеколду дверцы. Она с ужасом смотрела, как старый коняга с проворством молодого животного отодвигает верхнюю щеколду зубами и устремляется через двор в открытые поля.

Почти два часа бабушка и два помощника потратили на то, чтобы с помощью шести яблок и пойла из отрубей поймать его, сердито топчась по полю. Словно дразня, конь подбегал близко к ним, а потом увиливал в сторону, высоко задрав хвост, как знамя неповиновения. Когда, понуро опустив голову, он в сумерках притащился домой, то уже сильно хромал. Бабушка пришла в ярость, впервые накричала на Сабину, назвав глупой девчонкой, а потом, чуть не плача, обратила на «мальчика» все свое внимание, то поглаживая его по шее, то мягко журя по дороге в конюшню. «А как же я? – хотелось прокричать Сабине, к глазам которой подступали слезы. – Я твоя внучка, блин, а ты не сказала мне ни одного доброго слова!»

С этого момента Сабина начала обдумывать побег. И стала сторониться бабки, которая, не упоминая больше об инциденте, не скрывала своего неодобрения. Бабушка даже не попыталась обнять Сабину в знак примирения. В сущности, в последующие день-два она не нашлась что сказать внучке. Настроение ее улучшилось, только когда ветеринар объявил, что воспаление ноги Герцога проходит.

Итак, большую часть времени Сабина проводила с Томом и двумя парнями, Лайамом и Джон-Джоном, которые, как и миссис Х., оказались отдаленной родней. Лайам, в прошлом жокей, в силу своей испорченности не мог и слова сказать без неприличного намека, а Джон-Джон, его восемнадцатилетний протеже, почти всегда молчаливый, отличался обветренной кожей, говорившей

о его страстном желании устроиться на ближайший ипподром. Том с его невозмутимостью, казалось, сочувствовал обидам Сабины и от случая к случаю беззлобно подтрунивал над ней. Она перестала замечать его руку, прикрытую до запястья свитером или курткой. С ним можно было поболтать.

– Ну, я подождала до пол-одиннадцатого, блин, когда старик вышел из ванной, но горячей воды совсем не осталось. Я так замерзла, что у меня ноги посинели. Правда. И зуб на зуб не попадал.

Повиснув на дверце стойла, Сабина пнула ногой ведро с водой. Том, который разгребал чистую солому, сложенную кипой у стены, остановился и поднял бровь, и Сабина спрыгнула на землю, непроизвольно бросив взгляд на Герцога.

– Здесь нет фена, и волосы у меня стали прилизанными. И у меня влажные простыни. Действительно влажные. Когда залезаешь в кровать, приходится отрывать верхнюю простыню от нижней. И они воняют плесенью.

– Откуда ты знаешь?

– Откуда знаю что?

– Что они пахнут плесенью. Вчера ты сказала мне, что весь дом пропах плесенью. Простыни могут пахнуть вполне приятно.

– Но плесень видна. Зеленые пятна.

Продолжая разгребать солому, Том загоготал:

– Возможно, это рисунок простыни. Спорю, у тебя такое же зрение, как у матери.

Отпустив дверцу, Сабина уставилась на него:

– Откуда ты знаешь, какое у моей мамы зрение?

Том прислонил грабли к стене. Потом наклонился и, отодвинув ведро от ног Сабины, плеснул воду через двор.

– Вы все слепые. Вся семья. Известное дело. Странно, что ты не носишь очки.

В этом был весь Том. Сабине казалось, она раскусила его: разговариваешь с ним по-дружески, а потом вдруг он вставит какое-нибудь словечко о матери или своем прошлом, и задумаешься, пытаясь подогнать это словечко к легко узнаваемому целому.

Вот что она узнала про Тома. Что-то рассказал он сам, что-то миссис Х., которая вещала, как по радио, но не в присутствии бабки: ему тридцать пять, несколько лет он провел в Англии, где работал на ипподроме, откуда вернулся в плачевном состоянии, получив увечье на скачках. Несмотря на его легкий характер, Сабина не отважилась расспросить Тома про ампутацию руки, однако миссис Х. говорила ей, что всегда считала, лошади его погубят: «Понимаешь, у него никакого страха. Никакого. И отец был таким же. Всей истории она не знала и не хотела расстраивать сестру – его бедную мать – расспросами, но это имело отношение к прыжкам на лошади через колья.

– Колья? – переспросила Сабина, представляя себе частокол.

Он напоролся на кол?

– Препятствия. Том был жокеем по прыжкам. Это чертовски опасно, гораздо опасней скачек по ровному месту. Это я тебе точно скажу.

«Здесь все крутится вокруг лошадей, – с раздражением подумала Сабина. – Все они до того полоумные, что глазом не моргнув теряют части собственного тела».

Ей до сих пор удавалось отговориться от верховой езды на серой лошади, сославшись на боль в спине. Но по нетерпеливому выражению лица бабушки, по тому, что она уже выудила пару старых сапог для верховой езды и шляпу и многозначительно положила все это у двери ее спальни, Сабина понимала, что жить ей осталось недолго.

Сабина не хотела ездить верхом. При одной мысли об этом ее начинало мутить. Несколько лет назад ей удалось уговорить мать прекратить занятия – после еженедельных поездок в конюшню, когда ей становилось дурно от волнения. У нее возникало болезненное, а подчас и верное предчувствие, что на текущей

неделе ей придется ездить на одной из «вредных» лошадей, которые взбрыкивают, гоняются за другими лошадьми, заложив уши и оскалив зубы, и что лошадь понесет, а она не сможет удержаться в седле, тщетно цепляясь за поводья. Для Сабины это не было пробой сил, как для других девочек. Не было даже развлечением. И когда Сабина сказала, что не хочет больше этим заниматься, Кейт не стала особенно уговаривать дочь. Получалось, она заставила дочь заниматься этим, повинуясь расплывчатому представлению о семейной традиции.

– Я не хочу ездить верхом, – призналась она Тому, когда он отводил в конюшню с пастбища одну из лошадей.

– Тебе понравится. Этот малыш такой послушный.

– Мне плевать, какой он. – Сабина бросила взгляд на стоящего поодаль серого мерина. – Не хочу я ездить верхом. Думаешь, она меня заставит?

– Он классный. Пару раз сядешь на него, и все будет хорошо.

– Черт, ты совсем не принимаешь меня всерьез! – чуть не прокричала она, так что из соседнего стойла высунул голову Джон-Джон. – Я не хочу ездить на этой лошади. И ни на какой другой. Мне это не нравится.

Том спокойно снял с лошади повод и добродушно похлопал ее по крупу здоровой рукой. Потом, заперев за собой дверцу, подошел к Сабине:

– Боишься, да?

– Просто мне не нравится.

– Ничего такого нет в том, если робеешь. Мы тоже иногда боимся.

– Ты меня не слышишь? Господи, люди! Просто мне не нравится ездить верхом.

Том положил ей на плечо искусственную руку. Жесткая и негнущаяся, эта рука находилась в странном противоречии с чувством, которое пыталась выразить.

– Знаешь, она не успокоится, пока ты хотя бы раз не сядешь на лошадь. Я помогу тебе. Почему бы тебе не поехать со мной завтра утром? Я позабочусь о том, чтобы все было хорошо.

– Я правда не хочу. – Сабине хотелось разреветься. – О господи, не могу поверить, что застряла здесь! Что за проклятая жизнь у меня!

– Завтра утром. Только мы с тобой. Послушай, лучше тебе первый раз выехать со мной, чем с ней, так ведь?

Сабина подняла на него глаза.

– А то она слопает тебя на завтрак, – ухмыльнулся Том. – Эта женщина – самая бесстрашная наездница во всей Южной Ирландии. Пока Герцог не охромел, она охотилась с собаками.

– Я сломаю себе шею. И тогда вы все пожалеете.

– Я точно пожалею. Потому что не смогу нести тело одной рукой всю дорогу.

Но на следующее утро Сабина опять дала Тому отставку. На этот раз, правда, у нее был серьезный повод.

– Послушай, мне надо уехать на весь день, а миссис Х. будет очень занята, и поэтому тебе придется позаботиться о дедушке.

Бабушка облачилась в городскую одежду. Так, по крайней мере, подумала Сабина, потому что впервые увидела бабку в чем-то другом, помимо старых твидовых брюк и резиновых сапог. На ней была темно-синяя шерстяная юбка, темно-зеленый кардиган поверх свитера с круглым вырезом и неизменный зеленый стеганый жакет. На шею она повесила нитку жемчуга и зачесала волосы назад. Как обычно у старых людей, волосы у нее лежали волнами, а не стояли дыбом.

Сабину так и подмывало спросить бабушку, а не собирается ли она кутнуть. Но почему-то она догадывалась, что бабушке это не покажется смешным.

– Куда ты едешь? – без интереса спросила Сабина.

– В Эннискорти. Поговорить с инструктором по поводу продажи ему одного из наших первогодков.

Сабина вздохнула с плохо скрываемой скукой и тут же выкинула эти слова из головы.

– Значит, так, дедушка захочет пообедать в час, минута в минуту. Он спит в кресле наверху, и ты разбуди его за час до обеда, поскольку он, возможно, захочет привести себя в порядок. Миссис Х. приготовит обед и оставит его в маленькой кухне рядом со столовой. Ты пообедаешь вместе с дедом, и тебе придется накрыть на стол, потому что утром миссис Х. будет отвозить соседям падалицу. Не приставай к Тому в конюшне, у них там много работы. И не пускай собак наверх. Вчера Берти снова пробрался в дедушкину комнату и сгрыз его щетку для волос.

«Не вижу тут большого урона, – подумала Сабина. – У него осталось-то две волосины».

– Вернусь после обеда. Все поняла?

– Обед в час. Не опаздывать. Не докучать миссис Х. Не докучать Тому. Не пускать собак наверх.

Бабушка воззрилась на нее на удивление равнодушным взглядом, и Сабина не могла понять, заметила ли та ее бунтарский тон или просто пропустила все мимо ушей. Потом бабушка накинула на голову шарф, туго завязала под подбородком и, сказав что-то ласковое Белле, стоявшей у ее ног, проворно вышла за дверь.

Сабина постояла в коридоре, пока не замер отзвук хлопнувшей двери, потом огляделась по сторонам, размышляя, чем заняться. Казалось, она дни напролет думает, чем бы заняться. Все, что без усилий заполняло ее домашнюю жизнь – MTV, Интернет, разговоры по телефону с друзьями, прогулки вокруг поместья Кейра Харди, – было у нее отнято, и нечем стало заполнять освободившееся время. Сабина могла бы посвятить время обустройству своей комнаты, но вид

бирюзового ковра вызывал у нее тошноту. И если ты не любишь лошадей, то какого черта здесь делать?

Ей не хотелось выходить во двор, поскольку она знала, что Том опять начнет уговаривать ее сесть на этого глупого пони. Телевизор она смотреть не могла, потому что днем показывали одну скукотищу. А последний раз, тайком включив его вечером, Сабина чуть не оглохла. «Это чтобы дедушка мог слушать новости, – прокричала миссис Х., поспешившая наверх узнать, откуда шум. – Не трогай ты лучше этот телик». Каждый вечер в девять часов, где бы в доме она ни находилась, Сабина слышала оглушительный рев музыкальной заставки новостей. Дед сидел, вглядываясь в экран, чтобы лучше слышать, а сидящие вокруг домочадцы читали газеты, вежливо притворяясь, что их это не оглушает.

Все же, думала Сабина, медленно поднимаясь по лестнице в компании Беллы, отсутствие бабушки дает некоторое ощущение свободы и спокойствия. Только сейчас она осознала, насколько нервирует ее присутствие старухи. Полдня свободы. Полдня скуки. Сабина не знала, что хуже.

Она целый час пролежала в постели с наушниками в ушах, читая какой-то бульварный роман 1970-х годов, который принесла ей миссис Х. Эта женщина, очевидно, решила, что знает потребности юных девушек: романы и побольше пирожных. Для теперешнего состояния души Сабины роман пришелся, пожалуй, кстати. В книге было мало чего от литературы, но много так называемой страсти. Женщины разделялись на потаскух, которые с плохо скрываемым вожделением совращали смущенных героев, занятых спасением мира, и девственниц, дышащих сдерживаемой страстью, когда те же самые герои умело соблазняли их. Только мужчины совершали нечто стоящее. Потаскух обычно убивали, а девственницы выходили замуж за героев. Но несмотря на всю страсть, настоящего секса было мало – Сабина успела сначала пролистать книгу. Возможно, дело было в том, что они в католической стране. Много придыханий и не так уж много реального.

– Как у тебя, Белла, – сказала Сабина, гладя собаку, лежащую у нее на кровати.

Думая о страсти, она вспомнила Дина Бакстера. Однажды она его почти поцеловала. И это, конечно, был не первый ее поцелуй. Она обнималась и целовалась с уймой парней, хотя и меньше, чем большинство знакомых девчонок. Сабина понимала, что Дин с ней заигрывает. Как-то они сидели в темноте на стене, окружавшей поместье, и он стал подшучивать над ней.

Она толкнула его, он толкнул ее в ответ, но все это было лишь предлогом, чтобы прикоснуться друг к другу. Сабина знала, что они могут поцеловаться и это будет кайфово, потому что Дин ей уже давно нравится. Он хотя и безалаберный, но не слишком нахальный и не станет выбалтывать все приятелям. К тому же он не считает ее чудачкой из-за того, что в доме у нее полно книг, а мама носит одежду с чужого плеча. Дин даже велел некоторым девчонкам заткнуться, когда они называли Сабину больной на голову и зубрилой за то, что она досрочно сдает экзамены и не курит. А потом его занесло куда-то в сторону, но, вместо того чтобы оттолкнуть Сабину, он однажды заманил ее в пожарный лифт якобы с какими-то намерениями, она запаниковала и заорала на него, чтобы отпустил. Дин засмеялся, и Сабина принялась сильно колотить его по голове. Он отпустил ее, отступил назад и, потирая покрасневшее ухо, спросил, что с ней такое. Не в силах ничего объяснить, Сабина просто рассмеялась и, хотя ей хотелось плакать, попыталась обратить все в шутку. Но Дин не засмеялся в ответ, и отношения между ними испортились. А неделю спустя она услышала, что он болтается повсюду с Амандой Галлахер. Проклятая Аманда, с ее длинными девчачьими волосами, одеждой с запахом кондиционера для белья и дешевыми духами. Возможно, к ее возвращению домой это уже будет Аманда Бакстер. Может быть, пора забыть Дина Бакстера. Так или иначе, у него на спине прыщавая кожа. Об этом сказала ей его сестра.

Сабина покачала головой, избавляясь от непрошеных мыслей, и переключилась на Тома. Ей всегда становилось легче, стоило подумать о ком-нибудь другом. Она решила, что Том – единственный мужчина здесь, в какой-то степени привлекательный. По сути дела, довольно красивый. Ей не доводилось встречаться с мужчиной старше себя, а вот подружка Али встречалась и говорила, что они понимают, что к чему. Но Сабине никак было не отделаться от мыслей о его руке. А вдруг они начнут целоваться или будут просто задыхаться от страсти, если учесть, что он ирландец, и разденутся, а она, увидев его культю, в испуге сбежит. Она слишком много о нем думает, чтобы огорчить его подобным образом.

Сабина не знала, нравится ли Тому. Он всегда, казалось, рад видеть ее и любит, когда она околачивается поблизости. К тому же она могла говорить с ним о чем угодно. Но трудно было вообразить, будто Том охвачен страстью или с вожделением пялится на нее. Все же он какой-то замкнутый, чересчур сдержанный. Может быть, просто нужно подождать. Наверное, романы у взрослых проходят по-другому.

Размышляя о романах у взрослых, Сабина вспомнила о матери и, стремясь отвлечься, сразу вскочила с кровати.

Около нее топталась Белла. Сабина открыла шкафы, вдыхая тяжелый запах залежавшихся вещей и вглядываясь в темные глубины. У бабки с дедом и старье даже не то: в спальнях других людей шкафы заполнены платьями для коктейлей, старыми настольными играми, коробками писем или неработающими электронными гаджетами. Здесь же у них заплесневелые белые скатерти с вышивкой и тому подобное, сломанный абажур и несколько книг типа «Руководства по искусству верховой езды для девочек» и «Ежегодника Банти за 1967 год».

Таинственный молчаливый дом словно подстегивал Сабину к обследованию других помещений. Дверь дедушкиной комнаты была закрыта, но между его комнатой и ванной была еще одна, в которой Сабина не бывала. Медленно повернув ручку, чтобы не шуметь, она открыла дверь и проскользнула внутрь.

Это была комната мужчины, кабинет, но лишенный следов недавней деятельности, в отличие от кабинета внизу, в котором стояли заваленные письмами столы, лежали гроссбухи и цветные каталоги с именами племенных жеребцов, которые для нее казались одинаковыми, хотя Том говорил, что по цене они различаются от десятков до тысяч гиней. В этом кабинете витал пыльный дух запущенности, полузадернутые шторы ниспадали неподвижными скульптурными складками. Пахло затхлой бумагой и старыми коврами. Когда она двигалась, в воздухе вспыхивали крошечные частички пыли. Сабина тихо притворила за собой дверь и прошла в центр комнаты. Белла с надеждой посмотрела на нее, а потом со стоном повалилась на ковер.

Здесь на стенах не было изображений лошадей, не считая обрамленного в рамку картона с зарисовкой охотника на коне, пожелтевшей картой Дальневосточного региона и нескольких черно-белых фотографий людей в одежде 1950-х. На встроенных полках у окна стояли коробки разного размера, наверху некоторых лежали свернутые рукописи, а посредине стола стояла большая модель серого линкора. На полке темного дерева справа разместились книги в твердых переплетах в основном на тему войн в Юго-Восточной Азии. На верхней полке стояли потрепанные книги в кожаных переплетах, со стершимся золотом на корешках.

Внимание Сабины привлекла противоположная стена комнаты, где она заметила на большой коробке два фотоальбома в кожаных переплетах. Судя по толстому слою пыли, их не трогали несколько лет.

Сабина присела на корточки и осторожно взяла один из альбомов. На обложке красовалась надпись: «1955–». Скрестив ноги, она положила его на колени и раскрыла. Между картонными страницами были проложены листки тонкой бумаги.

Фотографии были наклеены по одной на каждой странице, и первый снимок оказался бабушкин. Так, по крайней мере, Сабина подумала. Молодую женщину, сидящую у окна, сфотографировали в фотоателье. На ней был темный, немного строгий жакет с маленьким воротником, сочетающееся с ним платье и нитка жемчуга. Волосы темно-каштановые, а не седые, уложены волнами. Макияж тех времен – густо подведенные брови и сильно намазанные ресницы, темные, тщательно обведенные губы. Несмотря на то что бабушка позировала, вид у нее был немного смущенный, как будто ее застукали за каким-то предосудительным занятием. На следующей фотографии она была вместе с высоким молодым человеком. Они стоят у консоли с растением. Он сияет от счастья, она робко держит его под руку. В этот раз бабка не казалась такой смущенной, а более уверенной в себе и на удивление горделивой. Что-то такое было в ее осанке, в высокой стройной фигуре. Но все же вид у нее был какой-то извиняющийся, такой бывал у матери Сабины.

Сабина, увлекшись, пролистала весь альбом. В конце его, наряду со снимками бабушки и другой молодой, невероятно обаятельной женщины, были фотографии младенца в искусно сшитой крестильной рубашке, каких сейчас не увидишь: отделка «кроше» и крошечные пуговки, обтянутые шелком. Подписи не было, и Сабина стала пристально вглядываться в фотографию, пытаясь понять, кто этот улыбающийся спеленатый младенец – ее мать или дядя Кристофер. Нельзя было даже понять, мальчик это или девочка, – в этом возрасте детей одевали одинаково.

А вот в коробке оказались по-настоящему интересные вещи: наклеенная на картон фотография бабушки рука об руку с той обаятельной девушкой пониже ростом. Обе держат вымпелы с «Юнион Джеком» и заразительно смеются. В голове не укладывалось, что бабушка когда-то так смеялась. За их спиной виднелась группа гостей с вечеринки – мужчины почти все в белом и почти все красивые, как Ричард Гир из «Офицера и джентльмена». Поблизости

стоял поднос с высокими бокалами, и Сабина подумала: а что, если бабушка напилась? Золотые буквы внизу фотографии гласили, что это мероприятие проведено в честь коронации ее величества королевы Елизаветы II в 1953-м. Это была сама история! Сабина замерла на месте, пытаясь осмыслить увиденное. Бабушка стала участницей истории.

И еще была другая фотография, поменьше. Среди фотографий лошадей и незнакомых улыбающихся людей, сидящих в длинных лодках, ей попался снимок девочки лет шести, определенно ее матери. У девочки были рыжеватые вьющиеся волосы, как у Кейт, и присущая ей манера стоять со сжатыми коленями. Она держалась за руки с маленьким мальчиком, наверное китайцем, и широко улыбалась из-под соломенной шляпы. Мальчик казался немного смущенным, словно боялся смотреть прямо в камеру и наклонился к девочке, ища поддержки.

Вот как росла моя мать, подумала Сабина, перебирая коричневатые отпечатки. В окружении маленьких китайцев и китаянок. Она знала, что детство Кейт провела за границей, но до этого момента, глядя на ее светлое платье из хлопка и шляпу, Сабина не представляла себе мать экзотическим существом. Она с любопытством продолжала перебирать фотографии, ища снимки с матерью.

Из мечтательности ее вывел звук хлопнувшей внизу двери и приглушенный голос, выкрикивающий ее имя. Сабина в панике бросилась к двери, Белла следом за ней, быстро открыла и притворила дверь. Потом глянула на часы. Было полпервого.

Немного помедлив, Сабина шепнула собаке, чтобы никому не говорила. «О господи, – простонала она, когда поняла, с кем разговаривает, – сейчас меня застукают». Потом медленно спустилась по лестнице, отряхивая с рук пыль.

Миссис Х. уже была на кухне и надевала передник.

– А, вот и ты. Не успеваю, Сабина, – с улыбкой сказала она. – Задержалась у Энни. Дедушка говорил, что хочет на ланч?

– Э-э, почти ничего не сказал.

– Ну ладно, приготовлю ему яйцо-пашот на тосте. У него был хороший завтрак, и вряд ли он захочет что-то очень сытное. А что сделать тебе? То же самое?

– Ага, это будет здорово.

Сабина с ужасом поняла, что не разбудила деда за час до ланча, как ей было велено. Отогнав Беллу, которая хотела снова за ней увязаться, она стала подниматься наверх, думая, придется ли помогать деду одеваться. «Прошу Тебя, Господи, пусть мне не надо будет трогать его, – молила она перед его дверью. – Пожалуйста, пусть он не вспоминает об обтирании губкой, ночных горшках и прочих вещах для стариков. И прошу Тебя, Господи, пускай зубы у него будут уже на месте, чтобы я не упала в обморок».

– Э-э… привет! – позвала она через дверь.

Ответа не последовало.

– Привет! – вспомнив про его глухоту, громче произнесла она. – Дедушка!

О господи, он спит! Чтобы разбудить его, ей придется дотронуться до него. Стоя за дверью, Сабина собиралась с духом. Она не хочет дотрагиваться до этой пергаментной, просвечивающей кожи. Старики вызывали у нее странные чувства, даже когда она смотрела на них дома. Они казались ей чересчур уязвимыми, того и гляди рассыплются.

Сабина представила себе реакцию бабки, если не сделает этого.

Громко постучав, она немного подождала и вошла.

В дальнем конце комнаты стояла великолепная кровать: готическая, на четырех столбиках, с пологом из старинного кроваво-красного гобелена, затканного китайской золотой нитью и висящего между резными столбиками из сияющего потемневшего дерева. На кровати лежало шелковое стеганое покрывало, из-под которого выглядывали белоснежные полотняные простыни, как зубы между лоснящихся красных губ. Такие кровати можно увидеть в американских фильмах, когда хотят показать пышные английские дома. В ней был экзотический блеск Дальневосточного региона, императоров и опиумных

притонов. Это ложе разительно отличалось от ее скрипучей кровати с металлическим каркасом.

Но в кровати старика не было.

Прошло несколько мгновений, и Сабина убедилась, что в комнате его тоже нет. Если только он не забрался в платяной шкаф, что было маловероятно. Но она все же проверила.

Наверное, он в ванной. Сабина заспешила по коридору. Дверь ванной была распахнута, и она сначала позвала его, но, не услышав ответа, вошла и увидела, что в ванной деда тоже нет.

У Сабины голова пошла кр?гом. Бабушка не говорила ей, что дед может выйти. Она сказала, что он спит. Так где же он, черт побери?! Сабина заглянула в пустую, гораздо более скромную комнату бабки, в нижнюю ванную, а потом, все больше паникуя, в каждую комнату в доме, начиная с комнаты для завтрака и кончая кладовкой. Деда нигде не было.

Было почти без четверти час.

Надо кому-нибудь об этом сказать. Сабина побежала на кухню и призналась миссис Х., что потеряла деда.

– В комнате его нет?

– Нет. Я посмотрела там в первую очередь.

– О господи! Где Берти?

Сабина уставилась на женщину, а потом на Беллу.

– Не видела его, – ответила она.

– Дед ушел с собакой. Ему нельзя выходить одному, и особенно с Берти, потому что пес молодой и выбивает у него из рук палку. – Выйдя из-за стола, миссис Х. сняла передник. – Лучше пойдем поищем его, пока не вернулась миссис

Баллантайн.

– Нет-нет, вы следите за домом, а я позову Тома на помощь. – Сабина, сжавшись от страха, побежала во двор, всматриваясь в двери стойл и выкрикивая имя Тома.

Тот с сэндвичем в зубах высунул голову из чулана с упряжью. За его спиной играло радио, и Сабина различила сидящие фигуры Лайама и Джон-Джона, которые читали газету.

– Где пожар?

– Это… это старик. Не могу его найти.

– В каком смысле не можешь найти?

– Он должен был спать в комнате. Миссис Х. думает, он мог уйти с Берти, а Берти может сбить его с ног. Поможешь поискать его?

Вполголоса ругнувшись, Том стал осматриваться по сторонам.

– Не смейте трогать мой ланч, парни, – буркнул он и, схватив куртку, быстро вышел во двор.

– Мне очень, очень жаль. Просто не знаю, что делать. Он должен был спать в кровати.

– Ладно, – наморщив лоб, сказал Том. – Ты поищешь на дороге, а если его там нет, посмотри в верхних полях. Я проверю нижние поля, и сад, и амбары тоже. Ты хорошо посмотрела в доме? Может, он просто смотрит телик?

Сабина, напуганная озабоченностью Тома, почувствовала, как на глаза у нее наворачиваются слезы.

– Повсюду. И Берти пропал. Наверное, старик взял его с собой.

– Боже правый, и зачем старому дураку понадобилось выходить? Послушай, возьми с собой Беллу. И все время зови Берти. Если старик упал, собака может привести нас к нему. Встречаемся здесь через двадцать минут. И вот тебе охотничий рожок – если найдешь деда, хорошенько подуй.

Вручив Сабине рожок, Том перемахнул через забор и побежал к нижним полям, окруженным высокими живыми изгородями.

Сабина, за которой весело трусила Белла, выскочила за ворота и понеслась по тропинке, поминутно зовя Берти. Не зная толком, в какой момент повернуть назад, она бежала, пока не заболело в груди, – мимо большой фермы, маленькой церковки и ряда небольших коттеджей. Моросил дождь, на небе собирались синевато-серые облака, словно предвещая большое несчастье. В голове роились непрошеные картины – старик бесформенной грудой лежит у дороги, – и Сабина побежала по другой тропинке, а потом решила вернуться и проверить верхние поля.

– Ну где ты, чучело? – шептала она. – Где же ты?

Она подскочила, и сердце на миг замерло, когда к ней стал приближаться огромный зеленый брезент, наполовину застрявший в изгороди.

Белла остановилась в нескольких шагах впереди, и шерсть у нее на загривке встала дыбом. Потом она гавкнула. С сильно бьющимся сердцем и вытаращенными глазами Сабина стояла посредине тропинки, а затем, собравшись с духом, придвинулась и приподняла уголок брезента.

Если бы не напряженная ситуация, она рассмеялась бы. Под огромным брезентом стоял серый ослик, запряженный в тележку. Он на миг открыл глаза, взглянул на нее и покорно повернулся к изгороди, находя там защиту.

Сабина дала брезенту соскользнуть на землю и снова побежала, оглядываясь по сторонам. Ничего не видно. Никаких признаков деда. За шуршанием дождя не было слышно ни приветственного лая, ни недовольного ворчания старика, ни охотничьего рожка. Сабина, напуганная не на шутку, разрыдалась.

Он наверняка мертв. Все будут винить ее, думала Сабина, оступаясь на травянистом спуске с холма. Деда найдут, замерзшего и промокшего,

возможно, со сломанными хрупкими костями, с остановившимся сердцем. В этом будет ее вина, потому что она слишком увлеклась рассматриванием пропыленных альбомов и на все ей было наплевать. Бабушка рассердится еще больше, чем в истории с Герцогом. Том перестанет с ней разговаривать. Мать откажется забрать ее домой из-за того, что Сабина фактически убила ее отца, и она застрянет здесь. Сельские жители станут смотреть на нее с осуждением, и она станет известной как девочка, убившая собственного деда.

Отправляясь на поиски, Сабина и не подумала надеть резиновые сапоги, и на болотистом пастбище ее ноги пропитались жидкой грязью. Эта коричневая жижа заляпала верх кроссовок, проникая внутрь холодной влагой. Неделю назад она пришла бы в ужас от вида новых «Рибокс», но в тот момент едва это замечала. Прикинув, что она бегает около получаса, Сабина громко разрыдалась, вытирая слезы тыльной стороной ладони.

В этот момент несчастная промокшая Белла повернула к дому.

– Хоть ты меня не бросай, – прокричала Сабина, но Белла проигнорировала ее, вероятно решив погреться под крышей у печки.

Сабина не знала, где еще искать. Надо спросить у Тома. Она тащилась вверх по холму за собакой, не представляя, что скажет миссис Х., и чувствуя себя виноватой.

Не успела Сабина дойти до дома, как Белла пропала. Отведя с лица мокрые волосы и вытерев нос, Сабина отодвинула щеколду задней двери и толкнула ее. За спиной у нее послышались шаги по гравию.

Это был Том с прилипшими к голове волосами, который неловко прижимал к груди искусственную руку с охотничьим рожком. Сабина уже собиралась извиниться, когда заметила, что он смотрит мимо нее.

– Ты опоздала, – донесся голос из коридора.

Подождав, пока глаза привыкнут к темноте, Сабина стала вглядываться в коридор с плиточным полом и едва различила сутулую спину, третью ногу в виде трости и двух шоколадных собак, которые радостно приветствовали друг друга.

– Ланч был в час. В час. Холодает. Не собираюсь больше об этом напоминать.

Сабина стояла в дверном проеме с разинутым ртом, охваченная противоречивыми чувствами.

– Он вернулся примерно пять минут назад, – пробормотал Том. – Мы пересеклись с ним.

– Ну, давай, давай. Нельзя оставаться в таком виде, – журил ее дед. – Тебе надо переобуться.

– Старый хрен, – плаксиво прошептала Сабина и почувствовала на плече здоровую руку Тома.

Миссис Х., высунувшись из кухонной двери, промямлила извинение, беспомощно пожимая плечами.

– Принести вам сухой свитер, мистер Баллантайн? – спросила она.

От нее раздраженно отмахнулись, и она исчезла в кухне.

Дед неуклюже пошел в сторону лестницы, свободной рукой стряхивая со шляпы капли воды. Мимо него, слегка задев, прошмыгнули собаки, и он, на миг потеряв равновесие, ухватился рукой за перила.

– Повторять больше не буду, – пробубнив что-то себе под нос, покачал головой дед. – Миссис Х., будьте так добры принести мне ланч. Похоже, моя внучка предпочитает есть в коридоре.

Сразу после чая Сабина пересчитала деньги, которые дала ей мать. А хватит ли ей на обратную дорогу до Англии? Матери это не понравится, но Сабина решила, что жить с ней и противным Джастином никак не хуже, чем оставаться здесь. Это невозможно. Даже когда она пытается поступать правильно, они воспринимают все так, словно внучка делает это им назло. Им на нее наплевать. Их волнуют только их проклятые лошади и дурацкие строгие

правила. Сабина представила себе, что лежит на кухне с топором в голове, а они отчитывают ее за то, что принесла инструменты в дом.

Сабина разглядывала билет на паром, пытаясь отыскать номер бронирования, когда послышался тихий стук в дверь. Это была миссис Х.

– Не хочешь сегодня зайти в гости к моей Энни? Тебе полезно пообщаться с молодежью, да и бабушка твоя не против.

Добрая женщина, видимо, считала, что Сабине стоит отдохнуть от деда с бабкой. Сабина не возражала. Все лучше, чем проводить с родичами еще один вечер.

Энни была единственной дочерью миссис Х. Она жила в большом доме на ферме, приспособленном под гостиницу, которую содержала вместе с мужем Патриком, человеком много старше себя, писателем. «Не читала ни одной его книги – это не по мне, – говорила миссис Х., – но люди считают, книги очень хорошие. Для интеллектуалов, понимаешь ли. Навыки Энни в качестве хозяйки гостиницы вызывали сомнение. Если верить Тому, эта гостиница славилась тем, что гости никогда не задерживались на вторую ночь. То она забудет принести завтрак, то сменить белье, то вообще забудет, что у нее постояльцы. А некоторые оставались недовольны тем, что Энни рано утром разгуливает вокруг дома. Но ни Том, ни миссис Х. не распространялись на эту тему.

– Энни не настолько уж тебя старше. Двадцать семь. А сколько все-таки тебе? Ах да, все же она старше тебя. Но ты похожа на нее. Просто не бери в голову, если она немного… ну… немного рассеянная.

Сабина, медленно вышагивая с миссис Х. под потрепанным зонтом по темной мокрой дороге, была заинтригована, рисуя в воображении некую Мод Гонн[4 - Мод Гонн (1866–1953) – английская общественная деятельница, феминистка.] со спутанными рыжими волосами и развевающимися юбками, которая взмахом аристократической кисти отметает прочь домашние хлопоты. Эксцентричные привычки Энни были известны далеко за пределами поместья Килкаррион. Женщина, забывающая подать постояльцам завтрак, едва ли захочет устроить официальный ужин. А муж-писатель вряд ли посвятит вечер разговорам об одних лошадях. Возможно, Сабине удастся расслабиться у них, блеснуть остроумием в приятной компании. Или даже посмотреть нормальную

телепрограмму. У Энни может оказаться спутниковая антенна, как во многих ирландских домах. И, кроме того, миссис Х. сказала, что позже к ним заглянет Том. Он частенько к ним заглядывал – посмотреть, как дела у Энни.

Однако Энни, открывшая им дверь, оказалась не совсем той гламурной оригиналкой, которую нарисовала себе Сабина. Это была невысокая женщина в свитере не по размеру, с прямыми каштановыми волосами, полными губами и большими печальными глазами. Она протянула Сабине руку, но не для приветствия, а затем, чтобы осторожно затащить ее в дом. И еще Сабина с некоторым разочарованием заметила на женщине дешевые джинсы.

– Сабина. Как поживаешь? Хорошо, что заглянула. Привет, мама. Принесла бекон?

– Да. Положила в холодильник.

Прихожей в доме не имелось, они вошли прямо в гостиную, одна из стен которой была почти полностью занята старым каменным камином, где яростно полыхали крупные поленья. Перпендикулярно камину стояли два удлиненных дивана с неряшливой синей обивкой, между ними – кофейный столик с разложенными на нем огромными шаткими стопками журналов и книг. Внимательно оглядевшись по сторонам, Сабина заметила, что книги здесь повсюду. Они неровными кипами лежали под табуретами и столами, стояли на навесных полках вдоль стен, и полки прогибались под их тяжестью.

– Это все Патрика, – проговорила Энни из кухонной зоны, с другого конца гостиной. – Он здорово увлекается чтением.

– Энни, что ты приготовила на ужин? – Миссис Х. отвернулась от холодильника и огляделась по сторонам, словно рассчитывая увидеть кипящую на огне кастрюлю.

– Ой, мама, прости. – Энни, нахмурившись, потерла лоб. – Совсем из головы вылетело. Можем что-нибудь разогреть в микроволновке.

– Не можем, – обиженно заявила миссис Х. – Не допущу, чтобы Сабина вернулась к себе и сказала, что мы ее нормально не накормили.

– Не скажу я этого, – буркнула Сабина, которой действительно было все равно. – Не так уж я голодна.

– Такая худенькая девочка. Да посмотреть на вас обеих – на собаке мясника и то мяса больше. Энни, поговори с Сабиной, а я поджарю котлет, у меня есть немного в морозилке.

– Я… я не большая поклонница мяса, – осмелилась сказать Сабина.

– Да-да, конечно. Ну, тогда поешь овощей. И сделаю тебе сэндвич с сыром. Идет?

Энни заговорщицки улыбнулась Сабине и пригласила ее сесть. Она говорила немного, но вызывала к себе доверие, и вскоре Сабина поймала себя на том, что изливает ей душу, рассказывая о многих несчастьях и несправедливостях, которым подвергается в поместье Килкаррион. Она рассказала Энни о бесчисленных правилах и предписаниях, которые совершенно невозможно запомнить. Поведала о том, что общаться с бабкой и дедом ей до абсурдного трудно и что они безнадежно старомодны. И еще о том, какой чужой чувствует себя среди всех этих помешанных на лошадях людей и как ей не хватает друзей, телика, родного дома и своих вещей типа компакт-дисков и компьютера. Энни лишь слушала и понимающе кивала, поэтому Сабина догадалась, что та многое уже слышала от миссис Х. Это лишь разожгло ее обиды «жертвы». И как подумала Сабина, ее считали здесь жертвой и сочувствовали ей.

– Сабина, а почему твоя мама не приехала с тобой? Она работает?

Сабина на время умолкла, раздумывая, стоит ли говорить все. Это милые люди, но она мало их знает, хотя они лояльны в отношении ее матери.

– Да, – солгала Сабина. – Мама собиралась приехать, но она очень занята.

– Чем она сейчас занимается? – спросила миссис Х. – Я так давно ее не видела.

– Пишет. – Сабина помолчала. – Не книги, а статьи в газеты. О семьях.

– О старинных семьях? – Миссис Х. засунула в духовку противень с едой.

– Не совсем. Семейная жизнь в целом. Проблемы и всякая всячина.

– А-а, это весьма полезно, – заметила миссис Х.

– Наверное, ты по ней скучаешь, – предположила Энни.

– Что-что?

– По маме. Скучаешь по ней? Она ведь далеко от тебя.

– Немного. – Сабина запнулась, потом бодро произнесла: – Мы не очень-то близки.

– Но она твоя мама. Вам надо быть ближе. – И неожиданно, неизвестно почему, глаза Энни наполнились слезами.

Сабина в ужасе уставилась на нее, пытаясь понять, что она сказала не так. Миссис Х., сердито взглянув на дочь, позвала:

– Сабина, я нашла в морозилке рыбу. Хочешь, приготовлю ее с масляной подливкой? Поможешь разморозить ее в микроволновке? Энни, милая, разыщи Патрика и скажи ему, что мы будем ужинать минут через двадцать.

Сабина медленно поднялась и, стараясь не таращиться на Энни, пошла на кухню.

После этого в течение получаса Энни вела себя очень тихо. За ужином она почти не разговаривала, как и ее муж, поэтому поддерживать разговор приходилось миссис Х. и Сабине. Патрик не соответствовал тому типу худого, изможденного писателя, который Сабина себе нарисовала. Напротив, это был крупный мужчина, грудь колесом, с немного грубыми чертами лица и глубокими морщинами на лбу и в уголках рта. Вежливый и внимательный, он обладал той спокойной рассудительностью, которая заставляла Сабину лепетать что-то невразумительное, чувствовать, что говорит банальности.

– Ужин нормальный, Патрик? Пришлось готовить на скорую руку.

– Отличный, мама, – ответил тот. – Прекрасная ягнятина.

Сабина, которая поймала себя на том, что пялится на Энни, с удивлением смотрела на эту пару. Он такой большой и грубоватый с виду, а она хрупкая, почти нематериальная. Казалось, легкий порыв ветра может унести ее прочь. И тем не менее муж явно обожал ее. Говорил он мало, но Сабина заметила, как Патрик дважды дотронулся до руки Энни, а один раз любовно погладил по спине.

– На уик-энд приезжает кто-нибудь? – спросила миссис Х., накалывая на вилку одну из своих котлет и перекладывая на тарелку Патрика.

Тот взглянул на Энни, потом снова на тещу:

– По-моему, никто не бронировал. Я подумал, мы с Энни могли бы поехать в Голуэй – так, для смены обстановки.

– Голуэй! – воскликнула миссис Х. – Лох-Инах – вот красивое место. Когда ты была маленькой, Энни, мы с твоим отцом проводили там отпуск. Почему-то погода всегда была ужасной, но тебе нравилось. Мы купили тебе высокие блестящие резиновые сапоги, и ты целыми днями бегала по воде.

Энни так и не подняла взгляда.

Ненадолго погрузившись в счастливое прошлое, миссис Х. продолжала:

– Однажды вечером ты даже не захотела снять сапоги на ночь, так они тебе нравились. Утром вся твоя постель оказалась в песке, и мне пришлось вытряхивать простыни в окно. Ах, господи! Тебе было всего три.

Энни бросила на мать сердитый взгляд, и та замолчала на полуслове. В течение следующих нескольких минут было слышно лишь потрескивание дров, шипение пламени да отдаленный стук дождя по подоконнику. Сабина, присматриваясь, вновь взглянула на Энни, недоумевая, что такого сказала миссис Х. Но та только опустила глаза и отодвинула наполовину пустую тарелку на середину стола. Удивительно, но миссис Х. не обратила на это никакого внимания. Она просто подождала, когда все закончат есть, и принялась собирать тарелки. Кейт

в подобной ситуации попыталась бы всем своим видом что-нибудь доказать Сабине. А вот миссис Х. не выказала никакой обиды, казалось, ее занимает исключительно посуда.

– Не обязательно ехать в Голуэй, – ласково произнес Патрик на ухо жене. – Можем поехать в Дублин. Прорыв в город. Там намечается большая тусовка.

Последовала пауза.

– Может быть, в другой раз? – Энни похлопала мужа по руке, встала и, ничего не сказав, вышла из комнаты.

Миссис Х. отодвинула стул и пошла в сторону кухни.

– А теперь, Сабина, хочешь пудинга? У нас есть яблочный пирог, могу разогреть его в микроволновке. Или шоколадное мороженое. Спорю, от мороженого ты не откажешься, правда?

Она не дала Сабине времени понять, что происходит. Патрик, нежно чмокнув тещу в щеку, тоже вышел из комнаты, собираясь вскоре вернуться. Именно в этот момент вошел Том, подгоняемый в спину порывом ветра. Его штормовка блестела от дождя. Сабина едва не выбежалаему навстречу, ей становилось здесь немного не по себе.

– Я опоздал на ужин? В одном из стойл начала протекать крыша, и мне пришлось закрывать ее брезентом. На улице просто мерзко, – сообщил он.

– Садись, дорогой, садись. Повесь куртку на тот стул. Твой ужин в духовке. Отбивные из ягнятины подойдут?

Обстановка в комнате немедленно разрядилась, и Сабина откинулась на стуле. Том всегда умел ослабить напряжение. Она улыбнулась ему, он улыбнулся в ответ.

– Тебе удалось посмотреть что-нибудь хорошее по телику, Сабина?

Та взглянула на миссис Х.:

– Я пришла сюда не из-за телика. Мне хотелось пообщаться – со всеми.

– Что ты хотела посмотреть, милая? Честно говоря, за хлопотами с ужином я и не подумала об этом. А давайте посмотрим за пудингом? Может быть, покажут фильм.

Они сели за стол и стали переключать каналы, а Том с волчьим аппетитом принялся за еду. Опустив голову, он без устали работал ножом и вилкой, отправляя в рот все новые порции еды. Наверное, так едят отпрыски в больших семьях, стараясь не пропустить добавки. Миссис Х. кивала, улыбаясь с молчаливым удовлетворением. Она не скрывала любви к племяннику, глядя на него по-матерински. Сабина, наблюдая за этим в теплой комнате, слушая отдаленный шум ветра и дождя, с болью подумала, что в доме бабки не чувствует себя защищенной, как здесь. Она даже не знает толком этих людей, а возвращаться в Килкаррион совсем не хочется.

В комнату с улыбкой вошла Энни. За ее спиной стоял немного встревоженный Патрик.

– Приветик, Том, – сказала Энни, взъерошивая волосы Тома. – Как поживает мой любимый кузен? Ты похож на утопшую крысу.

– Давай попробуй высунуться на улицу, – сказал Том, хватая ее за руку. – Это называется погода.

Не переставая улыбаться, Энни уселась за стол. Патрик сел рядом, не сводя глаз с жены. К пудингу он не притронулся.

– Где пропадал всю неделю? – спросила Энни у Тома. – Совсем тебя не видно.

– Да был тут поблизости, – ответил он. – Хлопотное время. Готовлю лошадей к открытию сезона. Все нормально, Патрик?

– Опять твои лошади. Хоть бы с девушкой познакомился. Что случилось с той девушкой из ресторана? Она была вроде ничего.

Том не поднял головы от тарелки.

– Не мой тип.

– А какой твой тип?

– Не она.

Миссис Х., которая вытирала кухонные столы, рассмеялась:

– Тебе следовало бы это знать, Энни. У Тома может быть жена и шестеро детей, а ближайшие родственники ничего об этом не узнают. Ты видела когда-нибудь такого парня, а, Сабина?

Сабина почувствовала, что краснеет. К счастью, никто этого не заметил.

– Твоя беда в том, что ты слишком разборчивый, – пробурчала Энни, гоняя по вазочке растаявшее мороженое.

– Возможно.

Миссис Х. поглядывала на дочь, не спрашивая ее о причине краткого отсутствия. Потом занялась мытьем посуды, отклонив несмелое предложение Сабины помочь.

– Сиди. Ты гостья.

– Ах, не говорите так, мама. А то она почувствует себя одним из постояльцев.

– Я думал, они у вас просто живут, – покачал головой Том. – Ты ведь не хочешь сказать, что вы заставляете их платить?

– Ты не гостья, – повторила Энни, проигнорировав Тома и положив ладонь на плечо Сабины. – Ты одна из Баллантайнов, то есть практически семья. И тебя здесь с радостью примут в любое время. Мне тоже нужна компания. – Она улыбнулась с искренней теплотой.

Миссис Х. с готовностью кивнула.

– Хочешь чашку чая, Патрик? Если ты работаешь, могу принести тебе наверх.

– Спасибо, мама. Мне достаточно будет вина. Том, у тебя есть выпивка?

Сабина хотела принести бутылку вина, но миссис Х. уже успела передать Тому стакан апельсинового сока, который тот жадно осушил.

– Я выпью еще. – Энни огляделась по сторонам. – Куда подевался мой стакан?

– Я его вымыла, – ответила миссис Х.

– Ну, тогда передай мне другой. Я не допила еще тот.

– Как продвигается книга? – спросил Том.

– По правде сказать, дело застопорилось, – покачал головой Патрик.

– Не понимаю, как ты выдерживаешь, сидя там день за днем один-оденешенек, – сказала миссис Х. – Я бы с ума сошла от скуки. Не с кем поговорить, в голове только эти персонажи. Удивительно, как ты еще не свихнулся… Ну ладно, я закончила. Через минуту ухожу. Твой отец сегодня в клубе, и я хочу вернуться до его прихода.

– Идешь на свидание с кавалером, мама? – Патрик поднялся и подал ей пальто. – Не беспокойся. Мы ни слова никому не скажем.

– Ей нравится встречать его дома, – сказал Том, недоверчиво покачивая головой.

– Если мне нравится встречать мужа дома, так это касается только нас, – слегка зардевшись, произнесла она.

– И соседей, – добавил Патрик, ухмыльнувшись Тому. – Бедняги.

– Ты проказник, Патрик Коннолли, – улыбнулась миссис Х., заметно покраснев. – Кто-нибудь проводит Сабину до дома? Не хочу, чтобы она одна шла по темной дороге.

– Всего-то сотня ярдов. Я сама, честно, – ответила Сабина, сердясь на то, что ее считают слишком юной.

– Не беспокойся, – откликнулся Том. – Выставим ее сразу после закрытия.

– Спасибо за ужин, мама, – поблагодарила Энни, проводив мать до двери.

С ее лица не сходила теперь ласковая улыбка, хотя глаза были по-прежнему серьезными. Патрик, нежно поцеловав жену, медленно пошел наверх.
Она мимоходом потрепала его по щеке, как ребенка.

Закрыв дверь за матерью, Энни остановилась посредине комнаты, словно не зная, куда себя деть. Потом направилась к дивану и, опустившись на него, поджала колени к подбородку.

– Правда, Сабина, почему бы нам не включить фильм или что-то еще? – произнесла она с выражением крайней усталости на лице. – А вы болтайте. Надеюсь, вы не против, если я просто посижу здесь. Разговаривать я просто не в силах.

– Звонила твоя подруга Мелисса и спрашивала, придешь ли ты к ней в гости пятнадцатого. Я сказала ей, что не знаю, успеешь ли ты вернуться.

– О-о-о…

– А Геббельса стошнило в твоей комнате, поэтому я отдала твой ковер в чистку, и они говорят, проблем не будет.

– А что с котом?

– Все нормально. Просто дело в том, что у меня закончилась кошачья еда, и он слопал банку тунца.

– Нельзя кормить его тунцом.

– Знаю, милая, но угловой магазин был закрыт, а я не могла оставить его голодным. Он справляется, когда ест не так быстро.

Накануне Сабина позвонила матери, чтобы попросить денег на обратную дорогу. Она собиралась сказать, что любит ее, просит прощения за свою грубость и что ей хочется домой, поскольку знала: мать поймет, что она ни минуты не может больше тут оставаться.

Они уже разговаривали минут семь, и мать недоумевала, зачем Сабина попросила ее срочно позвонить. А Сабина не могла найти нужных слов. Она хотела вернуться, действительно хотела, но после предыдущего вечера в доме Энни все это перестало быть таким срочным. И Сабина чувствовала, что по-прежнему в душе злится из-за Джеффа и Джастина. Как же трудно сохранять спокойствие при общении с матерью. Кейт воспринимала все чересчур эмоционально и говорила много лишнего, поэтому Сабина начинала жалеть о своих словах и сердилась, будто в чем-то проговорилась. Матери до всего было дело.

– Так… Что у тебя не так? Бабушка уже посадила тебя на лошадь?

– Нет. А я и не собираюсь ездить верхом.

– Чем же ты там занимаешься?

Сабина подумала о коробке с фотографиями, которую она обнаружила в то утро, когда бабушка уехала в магазин. Там были фотографии маленькой девочки, ее мамы, с китайчонком. Подумала она также и о доме Энни, о том, как накануне вечером Энни вдруг заснула рядом с ней, совершенно не заботясь об окружающих. Подумала Сабина и про Тома, который, чуть смутившись, спросил у нее, чем сейчас занимается ее мать.

– Ничем, – ответила она.

Глава 3

Кот Геббельс сидел на стойке ворот, как каменный часовой. Шерсть у него стояла дыбом, что указывало на низкую температуру воздуха. На той стороне дороги чинил автомобиль мистер Огони в шерстяной шапке. Он решительно бросался под капот, как цирковой дрессировщик, засовывающий голову в пасть льва, потом вылезал оттуда, торжественно вытирая руки тряпкой и словно собираясь с духом повторить трюк. Между мусорными бачками, стоящими у края тротуара и забытыми во время утреннего вывоза мусора, кружили два пакета из-под чипсов.

Вы когда-нибудь спрашивали себя о том, говорите ли вы с вашим ребенком на одном языке? Что ж, согласно новым исследованиям, проведенным в Швейцарии, возможно, что и нет.

В одном таком исследовании социальные психологи из Женевского университета пишут вот о чем: дети часто слышат прямо противоположное тому, что говорят им родители.

Медленно подошла Агнесса в легком голубом пальто и заговорила с мистером Огони. Тот печально пожал плечами, указывая на двигатель. Пока они говорили, холодный воздух перед их лицами принял форму маленьких грибовидных облачков.

Родители редко ставят себя на место детей, – говорил профессор Фридрих Ансбульгер, руководивший обследованием двух тысяч семей. – Если бы они сделали это, то поняли бы, почему дети часто совершенно их не слушаются. Дело не в неповиновении – просто у детей своя логика.

Кейт вздохнула и заставила себя посмотреть в компьютер. На три абзаца у нее ушел почти час. При такой скорости ее почасовая оплата приблизится к заработку полулегальных работниц где-нибудь на фабрике в Бангладеш.

Для женщины с ее воображением не сложно было понять причины, по которым она в последнее время не могла работать. Для начала, в доме слишком тихо. Несмотря на то что Сабина обычно редко показывалась дома, Кейт стала

замечать эту гнетущую тишину, когда входная дверь не хлопала, не слышно было гулких ударов мяча по ступеням, не закрывалась дверь ванной и не доносился приглушенный ритм какой-нибудь группы. А также не звучало время от времени слова «привет».

Да еще и центральное отопление, поломка которого заставила ее кутаться в тряпье, как бомжиху, хотя сантехник, качая головой, клятвенно обещал принести нужные детали. Это было три дня назад.

И этот глупый кусок статьи, который упрямо отказывался писаться. В удачный день Кейт могла до ланча выдать две статьи по восемьсот слов каждая. Сегодня был не такой день: партнеры не перезванивали, слова неуклюже спотыкались на странице. Жалость к самой себе начисто подавляла мотивацию Кейт.

Впервые за взрослую жизнь она на целую неделю была предоставлена самой себе. С ней постоянно была Сабина, а когда дочь уезжала в школьные поездки или встречалась с друзьями, был Джефф, а до него Джим. Кейт всегда знала, что в конце дня будет кто-то, с кем можно съесть пасту, выпить вина и обсудить события дня. Джеффа больше с ней нет, Джастин в командировке и неизвестно, когда вернется, а Сабина в Ирландии и почти не звонит. И она сама в этом виновата.

Кейт в который раз пыталась не думать о том, что Джефф быстро решил бы проблему с центральным отоплением. У него практическая жилка. Он позвал бы надежных мастеров, с которыми знаком уже много лет и которых поощрял иногда щедрой выпивкой. Как-то давно он попросил Кейт приготовить электрику «напиток», и она заварила ему чашку травяного чая, вызвав у мужчин ухмылку. Тогда она отругала себя за наивность. Сейчас же, сидя в промерзшем доме, Кейт вспоминала об этом с умилением. Но попросить Джеффа о помощи не могла. А Джастин, как он заметил с сожалением, не занимается домашними делами.

Фактически за три месяца ее нового романа выявилось многое, чего Джастин не делает. Он не звонит вечером предупредить, что задержится. «Послушай, милая, это не всегда возможно. Мой мобильник всегда садится, а если мы работаем допоздна или находимся в каких-то сомнительных местах, мне некогда искать телефонную будку». Он не живет с ней вместе. «Мне нравится то, как у нас все сложилось. Не хочу это портить. А я обязательно испорчу». И он не строит планов на будущее. «Ты самая потрясающая женщина из тех, что я встречал. Я очень хочу быть с тобой. Долго-долго». Кейт, уставившись

невидящим взором на монитор компьютера, заставила себя сосредоточиться на том, что Джастин делает, ругая себя за выдумывание проблем. Он любит ее, так ведь? Он постоянно об этом говорит.

Агнесса по-прежнему храбро толкала перед собой ходунки к перекрестку. Пушистая белая голова качалась на тонкой шее, как одуванчик под дуновением ветра. Она шла в кафе «Луис», куда с завидной регулярностью приходила каждый день без четверти час, чтобы съесть яйцо, чипсы, выпить чая и посмеяться в одиночестве над таблоидами. После этого Агнесса, в зависимости от дня недели, направлялась в зал лото, благотворительный центр или библиотеку, возвращаясь домой лишь после закрытия учреждения. Только после нескольких лет проживания рядом с Агнессой Кейт обнаружила, что на удивление компанейский стиль жизни ее соседки объясняется невозможностью нормально отапливать свою квартирку. «Давай, – сказала она себе, задумавшейся о бедной старушке, – заканчивай этот кусок, или тебе придется выйти».

Может быть, это и хорошо, что она сейчас одна, – вечером за своими вещами придет Джефф, и после той ужасной первой встречи она не вынесла бы, если бы они с Джастином опять встретились. Джеффа и то будет трудно видеть.

Кейт сидела, уставившись на текст перед собой и размышляя над двумя одинаково непривлекательными вариантами продолжения дня. Потом она вставила контактные линзы, надела на себя дополнительный слой одежды и, полная предчувствий, отправилась в местный клуб.

– Не могли бы вы пододвинуть те столы у двери? Боюсь, на всех не хватит места.

Посредине продуваемого сквозняками клубного зала стояла в стеганой куртке Мэгги Чэун, командуя перестановкой мебели, как подвыпивший полицейский командует уличным движением. Сосредоточенно наморщив брови и стараясь всех разместить, она энергично жестикулировала, затем, быстро передумав, посылала Кейт или других слушателей в противоположный конец зала с грузом пластиковых столов и стульев.

За ее спиной кружком сидели пожилые китаянки, которые громко тараторили, очевидно на кантонском диалекте, занятые какой-то игрой вроде домино.

В другой части комнаты, рядом со стариками, прихлебывающими жасминовый чай из пластиковых чашек, расположились две молчаливые и несчастные с виду молодые женщины с младенцами на руках, игнорируя друг друга и совсем еще молодого человека, который сидел между ними.

– Стульев все равно не хватит, как ни расставляй их, – быстро сделав в уме расчет, сказал менеджер Иан.

– Помощники могут есть стоя, – парировала Мэгги.

– Все равно будет тесно. Лучше, наверное, организовать две смены. – Потупленный взор и бледность Иана говорили о трудностях жизни общественного деятеля.

– Лучше уж втиснуть всех, чем проводить два собрания, – заметила Мэгги. – Нам будет теплее.

– Жаль, что так получилось с отоплением, – в пятый раз сказал Иан. – Урезали бюджет. Надо экономить средства для пожилых людей и новых мамочек, которые приходят по вторникам и пятницам.

Кейт, разогревшись от движений, протащила через комнату два стола и под руководством Мэгги поставила их рядом с кухней. Вопреки уверенности других женщин, она не понимала, как все одновременно смогут съесть ланч. Но Мэгги упорствовала: эта группа призвана создавать связи между старыми и молодыми, между новичками и старожилами, и нет смысла расширять группу, если на самом деле собираешься разделить их.

– Кроме того, – бодро проговорила она, – это наша культура. Мы привыкли питаться вместе.

Кейт не стала возражать, что эта культура Мэгги – понятие весьма растяжимое и включает в себя походы в «Макдоналдс» с сыновьями, нерегулярные ужины с мужем-врачом, работающим по прерывистому графику в местной больнице, и преданная любовь к сериалу «Улица коронации». Спорить с Мэгги было бесполезно: будучи опытным политиком, она просто пропускала мимо ушей все, что расходилось с ее взглядами на мир, твердо заявляя о своем мнении и не допуская, чтобы оно подвергалось сомнению.

– Вот! Все готово! – воскликнула она несколько минут спустя. – А столы могут оставаться на тех же местах. Я сказала вам, что уговорила одного из учителей школы Браунлей приходить к нам и проводить уроки чтения и письма? Если я увижу еще одну анкету для предоставления жилья, то просто умру.

– А если у меня ничего не получится с анкетой мистера Йипа, полагаю, он постарается сделать так, чтобы умер я, – сказал Иан.

Это была попытка сострить, и Мэгги с Кейт натянуто улыбнулись.

– Не хотите же вы сказать, что ее снова вернули.

– В четвертый раз. Все бы ничего, но мне же приходится ее заполнять. Если после одиннадцати лет работы в совете я не могу ее заполнить, то как можно ожидать этого от кого-то другого?

Кейт стала волонтером в группе «Далстон и Хакни», программе помощи и поддержки, почти за год то того, как ушел Джефф. Однажды вечером, оторвавшись от чтения «Американского журнала прикладной психиатрии», он стал жаловаться на шокирующе высокий процент психических расстройств у иммигрантов, вызванный их изоляцией, отчужденностью и расизмом в районах их обитания. Говорил он также о работе Мэгги, которая пытается бороться с этим. Кейт была удивлена активным участием Мэгги. Несмотря на долгую дружбу, они с Мэгги обычно говорили только о своих мужчинах и детях. Но потом, когда Мэгги с Хэмишем пришли на ужин, Джефф вновь заговорил об этом, и Кейт выяснила, что сдержанность Мэгги объяснялась лишь недостатком интереса со стороны Кейт. Мэгги тут же добилась от Кейт невнятного обещания прийти и помочь.

– Не знаю, чем смогу помочь, – сказала тогда она, сомневаясь, стоит ли этим заниматься.

Но когда Мэгги узнала, что детство Кейт прошло в Гонконге, устраниться не удалось.

– Бог мой, женщина, ты знакома с китайской культурой! – воскликнула она. – Ты практически китаянка! – Мэгги проигнорировала возражения Кейт,

говорившей, что с восьми лет ее культура относилась к пансиону в Шропшире и сельской жизни в Южной Ирландии. – Ну и что? – ответила она. – Я никогда не жила восточнее Тейдон-Буа.

Даже по прошествии всех этих месяцев толку от Кейт было мало. В отличие от других волонтеров она не говорила по-китайски, не умела готовить и не могла разобраться в кафкианских требованиях, предъявляемых к формам социального страхования. Кейт могла предложить лишь помощь на уроках чтения и свое физическое присутствие. Но Мэгги ничего не имела против. Кейт даже получала здесь некоторое удовольствие, глядя, как местный повар-волонтер готовит на маленькой кухне центра китайские кушанья, наблюдая за оживленным общением пожилых людей. Ей нравилось, как Мэгги быстро переключается с английского на китайский или собирает вокруг себя этих разных людей, объединяя их исключительно силой своей личности. Кроме того, работа в группе смягчала чувство вины из-за расставания с Джеффом, словно Кейт раз в неделю покупала себе искупление грехов. Чаще всего это помогало.

– Я думала, ты сегодня не придешь, – услышала она вдруг у своего плеча голос Мэгги.

Маленький рост Мэгги предполагал, что с другой точки ее увидеть трудно. Не помогали и туфли на шпильках.

– Я и не собиралась, – призналась Кейт. – Нет настроения.

– Если чувствуешь себя несчастной, всегда лучше выбираться из дома. Прочь от газовой плиты. Ах нет, у тебя ведь электрическая, верно? Поговорим за ланчем.

– Не знаю, останусь ли на ланч.

Мэгги не слушала ее.

– Посмотри на них! Им надо бы разговаривать друг с другом! – воскликнула она, указывая на одну из тихих молодых матерей. – Две молодые женщины, два младенца. Нелепо, что они сидят здесь в полном молчании. Надо их разговорить. Видишь вот эту? Следует заставить ее отнести ребенка на прививку. Она здесь уже почти полгода, но глупышка не хочет идти в центр

здоровья.

Мэгги сказала, что муж бросил эту девушку через четыре недели после того, как привез в Англию, говоря, что едет на заработки. Больше она о нем ничего не слышала. У нее есть разрешение на пребывание в стране, но нет работы, она снимает студию на двоих, и у нее нет денег на дорогу домой.

– Ей просто надо поговорить с людьми. Немного раскрыться. Иди поговори с ней, а я посмотрю, как там у нас с ланчем, – сказала Мэгги и упорхнула.

Работа в центре обычно помогала Кейт забыть о своих проблемах, но в то утро она никак не решалась выйти на улицу. Непривычная тишина дома наводила уныние, и у нее не возникало желания к общению. Как-то Сабина рассказала ей, что они делят девочек в классе на «радиаторы» и «пылесосы». «Радиаторы» – популярные девчонки, проявляющие ко всему интерес и энтузиазм, притягивающие к себе людей, а «пылесосы»… высасывают воздух и добрую волю. Кейт подумала, что сегодня она определенно относится ко второму типу.

«Пылесос», который должен стать «радиатором». Шаркая ногами, как школьница, Кейт медленно подошла к девушке, которая сидела ссутулившись в дешевом анораке, пластиковых туфлях, распространяя вокруг себя запах бедности. Кейт не знала, как можно помочь человеку в столь безысходной ситуации. К тому же девушка не говорила по-английски. Но Мэгги считала, что покровительственно-евангелистический подход учителя воскресной школы помогает ладить с людьми. Если есть желание, то способ найдется.

Глубоко вздохнув, Кейт остановилась рядом с девушкой и улыбнулась:

– Привет! Я Кейт.

Девушка, волосы которой были завязаны в конский хвост, а голубоватые тени под глазами указывали на постоянное недосыпание, безучастно посмотрела на нее, а потом оглядела комнату в поисках Мэгги или одного из китайских помощников.

– Кейт, – повторила Кейт, указывая на себя и понимая, что говорит чересчур громко, как слабоумный колонист, повышающий голос в разговоре с туземцами.

Девушка смотрела на нее, широко раскрыв глаза, потом покачала головой и слабо взмахнула рукой.

Кейт перевела дух. Что, черт возьми, ей делать? Она не обладала даром быстро успокаивать людей. Она и сама-то часто чувствовала себя не в своей тарелке.

– Я Кейт. Я здесь помогаю, – беспомощно произнесла она. Потом добавила: – Как тебя зовут?

Наступившую тишину нарушил взрыв смеха в противоположном конце комнаты и быстрый стук костяшек домино по столу. Пожилые игроки завершили игру. Мэгги подошла к ним, восклицая и поздравляя на китайском. Она наклонилась к столу, и гладкие черные волосы упали ей на лицо.

Кейт снова повернулась к девушке, пытаясь подбодрить ее улыбкой.

– Мальчик или девочка? – спросила она, указывая на спящего младенца, чье личико виднелось из-за вороха пожертвованной одежды. – Мальчик? – Она махнула в сторону сидящего поблизости мужчины, который недоверчиво взглянул на нее. – Или девочка? – Кейт указала на себя. О господи, это звучит по-идиотски! Вымученно улыбаясь, она пододвинулась ближе и сказала: – У вас красивый ребенок.

Так и было. Все спящие дети красивы.

Девушка посмотрела на младенца, потом снова на Кейт, прижимая ребенка к себе чуть крепче.

«Пора прекращать это, – подумала Кейт. – Просто провожу ее к столу с едой, и путь Мэгги с ней разговаривает. От меня никакого толку». Она с тоской вспомнила о своем пустом доме. Потом вдруг у нее в мозгу вспыхнули два слова из детства, шепотом произнесенные няней.

– Хоу лэн, – сказала она, указывая на спящее дитя. Потом громче: – Хоу лэн.

Девушка посмотрела на ребенка, потом снова подняла глаза. Словно не смея поверить в сказанное, она слегка нахмурилась.

– Ваш ребенок. Хоу лэн.

Два ласковых тихих слова: «очень красивый». Международный язык лести.

Кейт почувствовала прилив теплоты. В конце концов, она это может. Она пыталась припомнить, правильная ли у нее интонация.

– Хоу лэн. Очень красивый, – повторила она, благожелательно улыбаясь.

Потом у нее за спиной возникла Мэгги.

– Что ты делаешь с бедной девочкой? – спросила она. – Она не говорит на кантонском диалекте. Она с материка, глупая женщина. И говорит на мандаринском диалекте. Она ни слова не поняла из того, что ты говорила.

Высокий худой Хэмиш, выпускник частной школы, совсем не подходил Мэгги. Люди повторяли это на протяжении восемнадцати лет их брака. Дело было не только в росте Мэгги, ее земной чувственности в противовес его утонченности или ее шумной китайской непосредственности и ребячьих эмоциях в противовес североевропейской безмятежности Хэмиша. Дело в том, что ее для него было не в меру много. Много для едва ли не любого человека, о котором думала Кейт. Слишком шумная, слишком прямолинейная, слишком уверенная в себе. Кейт была совершенно уверена, что Мэгги ни на йоту не изменилась с юношеских лет. За это Хэмиш ее обожал.

В противоположность Мэгги Кейт менялась при общении с разными мужчинами. Происходящие в ней перемены определялись тем, насколько сильно она увлекалась конкретным мужчиной. С Джимом она наслаждалась той непринужденностью и любовью, с которыми он обращался как с ней, так и с дочерью. Впервые после рождения Сабины Кейт почувствовала себя не только мамочкой. Джим вернул ей что-то из юности, как ей тогда казалось, ободрял ее, избавлял от лишних тревог. Обучал Кейт по части секса. Но потом, когда их отношения начали разлаживаться и она стала подозрительной, Кейт возненавидела личность, которую он слепил из нее. Возненавидела этого несчастного параноика – саму себя, – добивающегося правды, отчаянно пытающегося улучшить внешность, чтобы отвлечь его внимание от невидимой соперницы. А когда Джим ушел, к грусти примешалось чувство облегчения

оттого, что ей не надо больше быть тем человеком.

Когда появился Джефф, Кейт уже была более умудренной жизнью любовницей. Она не отдавала ему всю себя, оставляя что-то и себе. А вот он отдавал ей все – всего себя. С Джеффом она повзрослела. Он расширил ее кругозор, разговаривал с ней о политике и обществе, заставил более критично относиться к несправедливостям окружающего мира. Если спокойная жизнь перевешивает страсть, это хорошо, говорила она себе. Наверное, лучше быть с человеком, который дает стабильность. Джефф научил ее применять интеллект, и Кейт поумнела. И он так мило обращался с Сабиной, никогда не пытаясь давить на нее или разыгрывать папочку, а просто относился к ней с неизменной любовью и мудростью.

Но потом через шесть лет возник Джастин, который заставил Кейт понять, что много лет оставался нереализованным целый пласт ее жизни, и вот теперь он вырвался на поверхность. По натуре она была сексуальна, и Джастин открыл в ней эту сексуальность, которая вырвалась наружу, как гейзер, и которую невозможно было укротить. Ни один мужчина не доводил ее до такого состояния, когда Кейт в девять часов утра ходила пошатываясь, как пьяная. Ни один не окружал ее настоящей аурой сексуальности, соблазнительным покровом из феромонов, когда она замечала, как поворачиваются ей вслед головы и мужчины присвистывают от восхищения. И она это заслужила, правда? – спрашивала она себя, в отчаянии пытаясь найти разумное объяснение боли, которую должна была причинить другому человеку. Кейт был дан еще один шанс. Почему в тридцать пять она должна отказаться от романтической любви?

– Это что – заговор малоежек? Пока ты здесь мечтаешь, я съела почти весь ченг фун. – Мэгги, прислонившись к мойке, энергично замахала перед носом Кейт палочками для еды. – То, что ты не знаешь разницы между кантонским и мандаринским диалектами, не значит, что тебе не разрешается принимать пищу.

– Извини, – ответила Кейт, тыкая палочками в затвердевшую еду.

Ей казалось, она голодна, но ее столь изменчивый в последнее время аппетит опять пропал.

– Что такое? По-прежнему любовное томление? Неужели ты все еще на той стадии, когда нет аппетита? Сколько уже прошло – три месяца?

– Не знаю, на какой я сейчас стадии, – горестно ответила Кейт. – Нет, знаю: на стадии вины.

Мэгги изогнула тщательно выщипанную бровь. Рассказав Мэгги, что собирается бросить Джеффа ради Джастина, Кейт ожидала, что подруга, давно знакомая с Джеффом, автоматически примет его сторону. Но этого не случилось: возможно, Мэгги теперь научилась уживаться с двумя конфликтующими точками зрения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Селия Джонсон (1908–1982) – английская актриса театра и кино. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Тоби Джагг – главный герой произведения Денниса Уитли «Преследователь Тоби Джагга», военный летчик, получивший тяжелое ранение и оказавшийся прикованным к инвалидному креслу.

3

Гунтер – английская верховая лошадь, предназначенная для охоты с собаками.

4

Мод Гонн (1866–1953) – английская общественная деятельница, феминистка.

Купить: https://tellnovel.com/ru/dzhodzho-moyes/schastlivye-shagi-pod-dozhdem-kupit

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить